

МАРТ 2023Г. | СПЕЦВЫПУСК

ВСЛУХ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КВИР-ЖУРНАЛ

18+

«Вслух»

литературный квир-журнал 18+

Над выпуском
работали:

- © [Дана Ида](#), 2023
- © [Анна Толкачева](#), 2023
- © [Катерина Мухина](#), 2023
- © [Кристина Гамбрелли](#), 2023

Иллюстраторы:

[draw eat read](#)
[Крис Шрайфер](#)
[Рома Еременко](#)
[Enlil A.](#)

Редакторы:

[А. Толкачева](#)
[А. Нечаев](#)

Верстка:

[А. Толкачевой](#)

Дизайн обложки:

[Алиса Веспер](#)
[Андрей Нечаев](#)

Логотип: [Алексей Лис](#)

Почта редакции:

vsluh.zhurnal@gmail.com

Сайт журнала:

<http://vsluhzhurnal.com/>

*Журнал распространяется
бесплатно*

[Revista de literatura queer “Vsluh”](#)
[Publicación periódica sin ánimo de
lucro](#)

[Miembro fundador](#)

[Andrei Kosogorskii](#)

[Dirección](#)

[02600, Calle Molino Nuevo, 32,
Villarobledo, Albacete, España](#)

[n. +34641505898](#)

[E-mail:](#)

vsluh.zhurnal@gmail.com

[Junta editorial:](#)

[Andrei Nechaev](#)

[Anna Tolkacheva](#)

[Leo Veles](#)

[Aleksandr Artemov](#)

[Esta revista se distribuye de forma
gratuita](#)

С

Колонка редактора.....[4](#)

О

Дакини.....[5](#)

Д

Е

Краш из города ветров....[31](#)

Р

Следующий месяц после
августа.....[55](#)

Ж

А

Наследница Земли.....[70](#)

Н

И

Е

Колонка редактора

Квирного дня, читатели и читательницы!

Наш второй спецвыпуск приурочен Международному женскому дню. Последнее время эта дата подрастеряла свое прежнее значение, и редко кто не испытывает дискомфорт, слушая шаблонные набившие оскомину поздравления с «днем настоящих женщин».

А ведь изначально этот день был вовсе не праздником мужского придатка, а феминистской демонстрацией, в которой женщины выступали за равенство прав и свобод. Впервые такая демонстрация была проведена 8 марта 1857 года в Нью-Йорке и осталась в памяти как марш пустых кастрюль.

Вторая акция протеста была проведена 28 февраля 1908 года тоже в Нью-Йорке. Тем не менее именно в США Международный женский день продолжают игнорировать.

Международным его предложила сделать немецкая активистка Клара Цеткин, одна из ключевых фигур европейского феминистского движения. После, праздник этот во многих странах мира сопровождался забастовками и акциями в поддержку прав женщин. При-

мечательно, что определенной даты он долгое время не имел, и постоянно подвергался попыткам то приурочить его к мартовской революции 1848 года в Пруссии, то к другим историческим датам.

Мы же от лица всей редакции желаем побед в борьбе за свои права и свободу быть собой. В спецвыпуске мы собрали истории о нелегком пути к себе через общественные стереотипы, о том, как женщины остаются собой даже в других галактиках и, конечно, о любви.

Ваш главред,
Анна Толкачева

Дана Ида ДАКИНИ

1. Войди на свой собственный риск

«Почему именно я?» – сжимая в руках папку личного дела, тихо негодовала я у входа в кабинет университетского психолога и прекрасно знала ответ: таких студенток днем с огнем не сыщешь. Что ни слово – то насмешка, провокация. Посещаемость – через раз. И несмотря на дисциплину, преподаватели как один выжимали из себя «отлично».

Только училась я не из особой тяги к знанию, а чтобы выбить грант на стажировку и умотать отсюда подальше... И мне почти удалось – теперь все зависело от одной подписи, здесь и сейчас.

– Что же я тяну? – возмутилась я вслух, аж жаром пробрало. – Подпишет как миленькая и даже на бумагу не взглянет.

На двери висела табличка «Не входить». Я откашлялась, прочистив горло. Но чем больше старалась собраться с духом, тем меньше оставалось сил. «Не боюсь

тебя, много чести!» – решила я, влетела без стука и замерла, ослепленная: залитый солнечным светом кабинет после темных коридоров отправил в легкий нокдаун: «Бум!» Дверь захлопнулась. Гул коридора разом стих.

– Иногда видеть – немалый труд, не правда ли? – послышался вкрадчивый женский голос, населив враждебную белизну успокаивающими переливами. Я сразу поняла, что пришла по адресу: все они привыкли заливаться соловьями. Даром хлеб не едят.

– Если вы про табличку, так заменили бы ее лучше на «Опасно! Войди на свой страх и риск». Тут так светло, что ослепнуть можно.

– Все дело в контрасте. Вы по записи?

– По наитию, прямиком из кротовых нор, – усмехнувшись, проморгалась я и огляделась.

Любопытно. Чем же она тут таким занята, что и побеспокоить нельзя? Настолько чисто, что и сыщик поплутал бы в поисках следов пребывания человека.

Я так привыкла к заваленным, запыленным, замусоренным черт знает чем кафедрам и преподавательским, что здешняя обстановка казалась очень уж правильной, необжитой и игрушечной, как спроектированные комнаты в Ikea. Рабочий стол напротив входа, у стены слева — миниатюрная кожаная софа, в углу — кулер и кофейник. В глубине кабинета с трудом смутно разглядела два кресла напротив окна и торшер у книжного шкафа. Ничего лишнего.

– Прощу, – встав из-за стола, сказала дама подчеркнуто вежливо. Захлопнула ноутбук и кивнула на одно из кресел.

Только теперь я заметила погасший зеленый огонек камеры. Должно быть, испортила ей съемку. Я перевела взгляд на ее лицо, беззастенчиво разглядывая. Ни намек на оскал агрессии. На вид моей визави было лет тридцать: по-моему, слишком уж молода, чтобы всерьез выдавать себя за специалиста по дебрям души человеческой. Мужского покроя серый в клетку пиджак и рваные голубые джинсы. Уложенные короткие волосы иссиня-черного цвета. Тонкая оправа очков, за которыми – пристальный взгляд

мозгоправа.

Именно то, признала я позже, что так страшит и влечет. Заставляет возвращаться и ждать новой встречи. Глаза. Они смотрят на тебя пристально и неотрывно. И никогда не знаешь, как много информации уже собрали. Видят ли тебя настоящую – или только болезнь и диагноз. А впрочем, какая разница? С какой стати меня вечно должно заботить, что обо мне подумают? Все «они» лишь хотят прогнуть и принудить плясать под их дудку. Посмотрим, кто кого.

– Так чем я могу вам помочь? – нарушила она затянувшееся молчание.

– Я уезжаю в США на стажировку по программе «ИТР». Декан уже одобрил и подписал. Нужно только, чтобы и вы черкнули, вот здесь. На правах психолога. Тут все написано, – оттараторила я без запинки, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Психолог поманила меня пальцем, устроившись в глубоком кресле. Я нехотя примостилась на краешек стоящего напротив и протянула лист бумаги, где упоминались все нарушения дисциплины, известные администрации университета. Вот она,

моя личная доска позора. Пусть смотрит, что ж.

– Так-так, что тут у нас? Здесь сказано, вы были уличены в сексуальной связи с профессором...

– Видели вы когда-нибудь фикус в кабинете истории на третьем этаже? – перебила я.

– Что? Да, впечатляющее растение, настоящий исполин.

– А знаете вы, что, если бы я не таскала ему воду из бутылки, ваш «исполин» бы давным-давно зачах?

– Надо же. К чему это вы?

– А к тому, что я частенько задерживалась после пар и, пока никто не видит, ухаживала за беднягой, поливая и обрезая побеги.

– Это очень похвально... – протянула психолог, явно сбита с толку.

– Да, вот и бывший историк счел так же, выслеживая меня и убалтывая, точно ворону лисица. Я была идиотка и поддавалась. А когда нас застукали с ним в кабинете, – классика жанра – он побежал в деканат и ух, как отбрыкивался, мол, это я его совратила. Только вот на очной ставке поджал хвост. Лицо моей визави оставалось каменным, так что я продолжила на одном дыхании, чувствуя, что краснею

от злости и стыда:

– Вы не волнуйтесь, над ним сжалились, уволили тихо, «по собственному желанию». А меня чуть не лишили стипендии и бюджетного места. Занесли в это чертово дело, но могло быть и хуже. Не удивлюсь, если этот подонок преподает где-то еще... Но теперь запирает дверь на ключ, чтоб не спалиться.

– Он принуждал вас физически?

– Разве что психически. Долго объяснять. Да и зачем: ну перепихнулась, с кем не бывает. Дальше что? В современном обществе живем, на секундочку.

– Ясно, – перевернув страницу, она вскинула брови. – А употребление наркотиков – тоже претензии к современному обществу?

Здесь мне крыть было нечем. На одном из внеплановых осмотров у нарколога возникли вопросы, и по итогам меня поставили на учет. Пришлось под этим подписаться, не то собирала бы манатки и дальше ориентировалась по компасу. Жаль только, идти некуда: я приросла к университетской жизни, хоть и чахла здесь, как мой несчастный фикус.

– Назовем это «периодом декананса», – отшутилась я. – А вы что, моралистка? Прямо как моя

мама. Она тоже любит поцокать да поцкаться: мол, как не стыдно?»

Стыд. Да, мама бы отрезала категорично: «бессовестная». И правда, я не влезала в мерки ее ожиданий – но ее брезгливое отношение не помогло исправиться, а лишь усугубило мое неприятие ханжеской морали. Однако, мамино клеймо с годами не утратило своей свежести. Впечатанный стыд преследовал тенью, наступая повсюду.

– Период декаданса? Интересно... А за ним что-нибудь последовало?

– Еще как, – отмахнулась я и про себя прибавила: «Уже скоро я улечу».

«Уже скоро я улечу» – эту пластинку я прокручивала в голове снова и снова, искренне увлеченная лишь фантазией о побеге. Оплачиваемая университетом стажировка – моя возможность, хоть учебные и рабочие перспективы на этой стезе меня совершенно не интересовали. В этом не было меня. США звучит престижно, да только с тем же успехом я могла бы отправиться в центральную Африку или на Суматру. Не все ли равно? Главное, отсюда.

Эта поездка, я уверена, станет

для меня новым началом. Я кончу с обществом деспотичных маразматиков и скукой их серого сытого прозябания раз и навсегда: ведь я не собираюсь возвращаться. Я выпорхну – и стану свободна.

– А что там с мамой? – спросила психолог, выдергивая меня из грез.

– Уехала от нее за тридцать земель – и ничуть не жалею.

– Только, судя по всему, недостаточно далеко? До сих пор под ее влиянием?

– В некотором смысле. Делаю все наперекор.

– Вот как! Только свобода ли – перебраться с южного полюса на северный, чтобы быть как можно дальше? Серединка, сердцевинка-то, не теряется?

– И как вам не противно... – поморщилась я. – Копаться в грязном белье чужой биографии?

– У нас будет шанс узнать друг друга получше. Но не будем спешить. Пожалуй, оставим вопросы для одной из следующих встреч. Что скажете?

– Какой еще следующей встрече? Вы разве не можете?..

– Нет. Я не могу подписать этот документ сейчас. Здесь сказано, прежде нас ждет экспресс-курс

терапии.

– Принудительной! – воскликнула я и вскочила. – Терапии, в которой, уверяю вас, нет нужды. До отъезда три месяца. Надо готовиться: визовые заморочки, а еще работа и хвосты по нескольким предметам. Без обид, но сливать шесть недель на пустую болтовню в вашем кресле не входит в мои планы.

– Значит, начнем с вопросов дисциплины и тайм-менеджмента? – иронично откликнулась она и тоже встала. – Увидимся на следующей неделе. График консультаций можно выбрать в личном кабинете на веб-сайте или написать мне на почту.

Я попятилась к выходу, не находя слов. Взяв со стола черную карточку, психолог протянула ее мне. Нехотя приняв визитку дрожащими пальцами, я прочитала имя: М.

– Меня ждут дела, – строго кивнула она на дверь. – До скорой встречи.

2. Как я могу к вам обращаться?

На этот раз таблички на двери не было. Я постучала, прежде чем войти.

Моя мучительница уже дожидает-

лась, сидя в кресле и сложив руки в замок. На коленях ее лежал синий блокнот.

– Итак, с чего начнем? – осадилла она, не успела я и шагу сделать.

– Давайте с кофе! А то я с париз огня да в полымя... Не возражаете? – спросила я, уже отвернувшись к кофемашине и нажимая кнопку «Американо».

– Угощайтесь! – откликнулась М. с энтузиазмом, будто предложила сама.

Я плюхнула ложечку сахара в кремовую кофейную пенку, чего в принципе не делаю никогда. А затем и вторую. Так хотелось заглушить горечь предстоящей консультации. Отчего-то я не решилась сесть напротив, как в первую встречу – и вместо этого устроилась на диване.

Моя же мадам по-прежнему держалась невозмутимо, не поддаваясь, по-видимому, на эти маленькие провокации и заставляя испытывать почти детское ликование от иллюзии отсутствия границ. Я расшнуровала кеды и устроилась, скрестив ноги. Все это время она внимательно наблюдала за мной. С лица ее не сходила легкая, слегка насмешливая, улыбка. Дождавшись, когда

я кончу возиться, она возобновила начатый диалог:

– Итак, как я могу к вам обращаться?

– Бумага перед вами – так прочтите.

– Вижу. Но ведь я не об этом спрашивала. Как я могу...

– Однозначно, на «ты»... – прихлебывая кофе, протянула я. – А какие еще есть варианты? Ягодка? Душечка?

Она молчала, не отводя глаз. Честно говоря, я и сама не понимала, зачем дразню ее и дурачусь. В моих интересах быть послушной девочкой. Находиться здесь, сотрудничать с ней – это простая формальность. Подчинение стандарту. И чем глаже пройдет это время, тем больше шансов, что мадам не станет меня загружать и не задержит.

Двое людей собрались ради одной подписи и вынуждены проводить время друг с другом. Дружелюбный тон и гостеприимство – это фальшивка. В таких случаях никому по-настоящему и дела быть не может до реальных проблем, с которыми я приземлилась сегодня на ее мягкий диванчик.

– Послушайте, – отчеканила я твердо, – давайте без прелю-

дий. Надо – так препарируйте! – скорчив гримасу, я раскинула руки по сторонам, изображая дрыгающиеся лягушачьи лапки.

– Понять нельзя препарировать, – ответила М. ровно, оставляя за мной выбор пунктуации.

– Дана, – вслух обратилась к себе я. – «Как же сильно ты иногда стараешься казаться хуже, чем есть». Слова школьной учительницы, отчего-то они запали мне в душу.

– Так-так... – протянула психолог, открыв блокнот. – Вы были к ней привязаны?

– Чего?

– Она была авторитетом, значимым взрослым?

– Не то слово, – кивнула я.

– Преклонялась перед ней до безумия. Мучилась от смущения, но преодолевала себя, прося проводить ее до дома. Она соглашалась, мы шли и общались. Обо всем. Я впитывала ее мудрость и доброту. Только ей не боялась говорить, что думаю. Это так помогало мне расти.

– И как же вы «старались казаться хуже»?

– В классе я вела себя иначе. Хулиганила и дерзила. В лепешку расшибалась, чтобы быть на одной волне с задирами-маль-

чишками. Боялась прослыть «всезнайкой». Из шкуры вон лезла, защищая право быть отличницей. Такая вот мимикрия по законам джунглей, вам ли не знать?

Ответа не последовало. Немного поерзав, одним глотком я допила остывший кофе. Вдохнула, устало потерла глаза и продолжила:

– Однажды я оскорбила ее при всех, мою учительницу. Обозвала то ли киселем, то ли занудой... Мальчишки заржали как кони. Тогда-то она и вынесла свой приговор, даже не повышая тона. Лучше бы наорала.

М. все также молчала. Обняв колени, я уткнулась в них носом и пробормотала, не поднимая глаз:

– Я понимаю, что могу быть лучше. Но зачем? И что такое «лучше» для нее? А для меня?

– Мы собрались здесь сегодня для тебя. Не для учительницы и одноклассников, не для мамы и профессора истории, понимаешь? – немного помолчав, М. продолжила: – Есть одно упражнение... Назовем его нашей маленькой инициацией. Закрой глаза. Сделай пару вдохов и выдохов, почувствуй свое тело.

– Медитировать будем, серьез-

но, что ли? – проворчала я, но приняла позу поудобнее и прикрыла веки. Втайне я даже обрадовалась, что мы перешли на «ты». Терпеть не могу бестолковые формальности.

– Умничка. А теперь сосредоточься на полноте и целостности того, какая ты здесь и сейчас. Центрируйся. Где находится эта сущность, как ощущается? Прячется твоя самость — твоя «Дановость»? Или выпячивается? Почувствуй.

Она замолчала, давая мне время. Я сидела, громко дыша и ровным счетом ничего не чувствуя. Но вот рука непроизвольно дрогнула, захотелось коснуться груди под ключицей. Там сильно болело.

– Ну как? – поинтересовалась она, когда я их открыла.

– Честно? Фигня какая-то. Есть охота, – с деланной веселостью я похлопала себя по животу. – Слышно, как в животе урчит?

3. Лучшее место, чтобы прокри- чаться

Одна за другой проходили пары. Я пропускала все мимо ушей, занятая мыслями о пред-

стоящей вечерней консультации.
Не узнаю себя.

Не терпится войти к М., начать дразнить и раззадоривать: «Ну же, оловянный солдатик! Посмотри, какая я балерина! Еще не кружится голова от моих пируэтов?» Ее самообладание не на шутку меня волновало. Сколько она протянет?

И вместо того, чтобы конспектировать лекцию, я вздыхала и тонула в воспоминаниях о нашей третьей встрече.

Придя к ней в тот день, я первым делом достала из рюкзака блокнот – точную копию ее синего: заметила его в одном из местных книжных. Думала позавбавить М. и стала поддразнивать, имитируя ее манеры. Сделала каменное лицо, поправила невидимые очки указательным пальцем – только она даже не улыбнулась. Отложив блокнот в сторону, я вздохнула.

– Ну как, попробовала дома упражнение? – напомнила она.

– Говорю же... Фигня, а не упражнение, – мирно промурлыкала я, устраиваясь в кресле.

– Надо же, сколько сопротивления перед тем, чтобы присмотреться к своему внутреннему миру. А мне можно взглянуть?

– Даже не знаю... Сколько ты сможешь выдержать. Там и черт ногу сломит.

– За меня не беспокойся. Я справлюсь.

– Да неужели? Учти – мы на равных. Ты справляешься. Я справляюсь. Что же выходит? Ни ты меня, ни я тебя к себе не подпущу.

– Давай не будем забывать, кто из нас терапевт, ладно?

– Окей. Предположим, прихожу я сюда как в лес: лучшее место, чтобы прокричаться. Отвожу душу. Позволяю себе рыдать, кричать и стонать. А в ответ слышу только эхо. Что поймет в чужом крике тот, кто сам никогда не кричал?

– Я тоже кричу, – улыбнулась М. – У меня свой лес: пусть уши вянут у супервизора.

– Это несправедливо! – чуть не зарычала я, всем телом подавшись вперед, так что ноги М. в капроновых колготках оказались вдруг очень близко. – Я несую эту энергию сюда, а ты кому-то другому...

– Представь, что мы в лесу... – тоже наклонилась она, опершись локтями о колени. Сглотнув, я отвела взгляд от глубокого выреза рубашки. – Ты здесь, чтобы «про-

кричатся». О чем закричишь изо всех сил, не жалея глотки?

– О том, что везде чувствую себя чужой, – отбросила я ненужное сопротивление. – И ужасно боюсь: неужели это моя жизнь? Что же я вытворяю? Курю зелень и нюхаю порошки. Препираюсь, не нахожу себе места. Мне двадцать три, но кажется, что все уже закончилось.

– Продолжай.

– Помню, на какой-то дрянной вечеринке плясала под экстази. До седьмого пота. До седьмого неба. А потом очнулась на кафе-ле с разбитой губой, вся в крови. Знаешь, что самое дерьмовое? По-моему, это лучшее, что со мной случилось. Забвение. Я оторвалась от предметов и лиц, расписания и дел, стыда и страха. Была только я. И я ни о чем не жалею.

– Теперь ты видишь смысл нашего упражнения?

Опешив, я резко отпрянула и откинулась на спинку кресла. М. чуть улыбалась. Заподозрив в этой улыбке издевку, я вцепилась ногтями в ручки кресла и прикрикнула:

– А при чем тут оно? Тебе сказать больше нечего?

– А какой ты ждала реакции?

– Осуждения. Презрения. Наказания какого-нибудь. Начнешь читать мораль и призывать одуматься. Я к этому больше привыкла.

– А тебе не приходило в голову, что наказывали тебя несправедливо? Посмотри. Стараешься казаться такой дерзкой... Но мне тебя искренне жаль: за всей бравадой я вижу маленькую испуганную девочку, которой так важно, с кем она. Что о ней скажут. В чьи руки она попадет – тем и станет.

В горле стоял тугой ком. Я зажмурилась, не в силах даже отбрыкнуться, что-нибудь возразить. Страшно захотелось упасть М. в ноги и громко, надрывно разрыдаться.

– А как же ты сама? – тихо, почти шепотом продолжила она. – Когда все исчезает, как на той вечеринке, ведь только это и остается: едва уловимая суть. Вербализуй ее хоть в звук, хоть в междометие. Ищи свой голос. Позови себя по имени.

Вдруг завеса воспоминания спала. В реальность вернул голос смазливового одноклассника, незаметно подсевшего рядом. Он прижался так близко, что я невольно поморщилась от запаха одеколона вперемешку с перегаром. Пару

раз мы выбирались вместе в клуб, ничего серьезного и интересного.

– Чего шарахаешься, замечталась? Принца ждешь?

– Нет, – отрезала я и отодвинулась на самый край парты.

– Слышал, тебя заставляют ходить к той, на четвертом. Проди-нашь ее на один вечер. Липовую справку достанем, две секунды.

Пойдём...

– Нет, – тихо повторила я.

– Боишься ее, что ли?

– Нет. К ней идти я хочу. А с тобой – нет.

Покрутив у виска, одноклассник отсел. Кажется, мы оба были ошарашены. «Никогда бы не поверила, – весело думала я, шагая после пар к М. по темному коридору, – что говорить «Нет» может быть так легко и приятно».

4. Черная в белую полосу или белая в черную?

Шагая в тишине темных коридоров, я испытала легкий приступ тошноты. Живот скрутило от нервов. Забежав в туалет, стала умываться холодной водой, чтобы успокоиться. В одном одноклассник прав – кажется, я и правда боялась М. Ведь она не только

слушает меня, но и слышит. Мягко и неуклонно нащупывает мою «сердцевину», никому прежде невидимую. Даже мне самой.

И все же она – чужой человек, незнакомка. Доверять ей – значило рисковать собой. Хватит ли смелости рискнуть и отдаться, пойти на это сближение?

– Сегодня я не с пустыми руками, – заявила я, кидая рюкзак на диванчик и молнией направляясь к кофемашине: моему водою после засухи утомительного дня. – Захватила нам печенье.

В придачу к небольшой истории в летопись хозяйке леса.

– Хозяйка леса вся внимание, – на бледном лице М. вспыхнул румянец. – И от печенья, пожалуй, не откажется.

– Угощайся! – словав три враз, я передала ей упаковку. – Так вот. После нашего разговора я усидеть на месте не могла. Голова гудела от компьютера и книг, задница затекла за часы неподвижности.

Я заметалась по квартире, причитая: «Как не надоело при-творяться, что верх моих стремлений – тихо окопаться в учебниках и никому не мешать? Весь мой быт построен вокруг чужих ориентиров и задач». Абсурд да и только...

– Говори залпом, – велела М., когда я замолчала, подбирая слова. – Я чувствую, тебе есть что сказать.

Я продолжила рассказывать: как наспех оделась и хлопнула дверью душевой квартиры. По наитию пришла на вокзал и прыгнула в электричку в направлении севера. Высадилась где-то на крохотной платформе. Вокруг сплошной хвойный лес. И пошла куда глаза глядят. Точнее, даже побежала – дубак стоял совсем не апрельский, солнце садилось, кое-где еще снег... Зато как чисто и свежо! Кислород так и ударил в голову, обжигая ноздри. Я так набегалась, разгорячилась и повеселела, что стала напевать в сумерках и через одышку: «Дана-на-на... Данте-Данко-Да! Дао, Дар? Данархия как Данность».

Должно быть, у меня сорвало крышу. Я все кружилась и кружилась, а сосны тянулись к бледному небу тысячами игольчатых лап. В пьяном забвении я прильнула к одной из них, душистой и липкой от смолы. Вздохнула и тогда... Докричалась-таки до самой себя! И было это так же естественно, как дышать.

Тут я сделала паузу, сверкая глазами и живо переживая вос-

кресшее озарение. Затем набрала побольше воздуха. Здесь и сейчас в кабинете, как в том лесу, из глотки вырвался сладчайший и глубокий стон:

– Да-кини!

Какое наслаждение... Весь кабинет словно наэлектризовался. Воспроизведение хмелящего лесного зова пробрало до мурашек. Удовлетворенная, я замерла и затихла, смакуя его послевкусие в тишине. На долю секунды мир остановился, по крайней мере, для меня. По лицу М. я не могла сказать, откликнулось ли. Думаю, она предпочитала рацию и логику – без «шизотерики», духов и мистических откровений. Несомненно, своей историей я пощекотала ее стальные нервишки.

– Пойдем со мной, – вдруг позвала она. Поднялась с кресла и пересела за рабочий стол, открыв ноутбук.

Я послушалась, подошла и наклонилась рядом. Впервые мы оказались не друг напротив друга, но бок о бок. Близость необъяснимо волнительная. Уловив легкий запах ее парфюма, я прикрыла глаза, вдыхая глубже. Лимонно-кедровые нотки, чуть горьковатые и такие обалденные... Захотелось коснуться носом

ее шеи. И зачем люди придумали расстояние как социальную конвенцию?

М. тем временем забила запрос в Google: «Дакини». Ошеломленная, я устала на экран. На странице поиска пестрели изображения и статьи. Я могла бы поклясться, что смастерила это слово в темных закоулках бессознательного по лекалу моего

имени. Мы стали переходить от портала к portalу.

– Только посмотри! – ткнула я на изображение девушки с клыками: косматой и смеющейся, обнаженной и танцующей в ожерелье из черепов.

– Дакини. Демон, дух или реальная персона? – М. начала зачитывать отрывок из небольшой статьи о восточной мифологии.

– Кровожадная и отталкивающая в индуизме, она способна наслать на людей безумие, но призвана просветлять, освобождая от страстей сансары и помогая достигнуть полной духовной реализации, или самадхи. Гневливая и злая, она в то же время — защитница и наставница...

– Подожди! Я хочу это записать... – чтобы остановить, я коснулась руки М. на мышке. Та была ледяная.

– В буддизме, – продолжила она медленнее, когда я принялась записывать под диктовку в свой блокнот, – один из архетипов освобождающей силы, изменчивый поток энергии. Дакини является медитирующему отшельнику и открывает ему сердцевины и тонкости духовных практик...

– Да кто она? – не унималась я.
– Добра или опасна? Красива или кошмарна?

– Черная в белую полоску или белая в черную? – подмигнув, прибавила М., но я лишь непонимающе заморгала. – Человеческая натура не сводится к хорошему или плохому, разве не так?

Ее ответ меня не удовлетворил. Загадка Дакини вибрировала в теле, приводя в движение нечто глубинное и скрытое.

Перед глазами мелькали яркие иллюстрации свирепых богинь. Этот образ не вымышлен, но реален. Дакини – ее связь со мной неоспорима.

– Какая она для тебя? – откинувшись на спинку стула, М. посмотрела на меня снизу вверх.

Я заходила по комнате, позволяя образам будоражить воображение. В мозг словно впрыснули катализатор мысли, и все зашевелилось, пришло в движение.

Дакини. Она отважная беспринципная воительница – или согбенная бытом мать-одиночка? Модель с обложки журнала – или старуха, просящая подаяния у метро. Девчонка, бегущая наперегонки с ветром. Сила, которой не страшны никакие стены – или робкая игра тени и света?

– Ну конечно! – воскликнула я, догадавшись. – Думаю, она дремлет в тебе и во мне. В каждой из нас.

– А если я разбужу ее, увижу и приму...

– Она откроется тебе во всей красе! Придет непрошеной: негодующей, требовательной или миролюбивой, средь бела дня. Коснется ночных фантазий. Окажется совсем рядом. Непредсказуемая и чужая, но уже такая

непозволительно своя...

Устав нарезать круги по кабинету, я облокотилась о стену и живо представила, как однажды ночью Дакини входит в спальню к М.

Тихо ложится рядом, целует сомкнутые веки.

– Значит, Дакини может быть какой угодно: полной конфликтов, парадоксов и трансформаций? Что и требовалось доказать.

– Так волнительно и так не просто... – шумно вздохнула я, чувствуя пульсацию запретной фантазии внизу живота. – Признать в себе полнокровную неукротимую дикость.

– Ты отыскала ее, она твоя, – подбодрила М. – Чего же ты ждешь, Дана? Дорогу осилит идущий! Я буду рядом.

Сглотнув, я облизнула сухие губы и посмотрела на часы. Консультация давно подошла к концу. Впервые так не хотелось покинуть кабинет. Расставание ощущалось как неизбежность, как неминуемое наступление ночи. Мне стало по-настоящему одиноко и тревожно.

– Все в твоих руках, в буквальном смысле слова, – словно прочтя мои эмоции, М. кивнула на исписанный блокнот. – Подумаешь об этом на досуге?

– Да! – пообещала я. Уже уходя, на секунду задержалась у двери, оглянув кабинет и блаженно жмурясь. до чего же в этом пространстве светло.

5. Голодная цепная собака

Мы встречались с М. уже два месяца. Завершив положенный курс, М. поставила нужную подпись. А я попросила несколько дополнительных встреч, желая провести вместе еще немного времени. До отъезда оставался месяц – только я сомневалась, хочу ли вообще уезжать. С формальностями было покончено, теперь речь шла о моей «psyche».

Сближались мы незаметно и неуклонно. Я лучше чувствовала М, а она меня – понимала. Порой она даже позволяла мне немного поухаживать за ней: приготовить и ей чашку кофе перед началом консультации или расставить по полочкам книги. Я любила эти маленькие ритуалы до безумия. Иногда я приносила колонку, и мы проводили консультацию под музыку: я создала для нас спокойный и вдумчивый плейлист. Часто слушала его потом одна, вспоминая, как голос ее ложится на ноты и биты.

Как-то раз в порыве признательности я истратила всю стипендию на подарок: деревце бонсай. Случайно приметив его на витрине в цветочном, не могла пройти мимо: стояла и смотрела на этого карлика-гиганта, чей потенциал воплотился с причудливой изящностью, присущей только ему. Причудливый вьющийся спиралью ствол и хрупкие дрожащие листочки, словно готовые вспорхнуть темно-зеленые бабочки. Я представила, как пальцы М. коснутся его впервые. И каждый день деревце будет напоминать ей обо мне.

Упаковав в коробку, я поспешила в кабинет прямиком из цветочного. Но застала ее с другим.

– Упс! – размашисто войдя внутрь, попятилась я. – Вижу, не вовремя. Загляну в другой раз.

В одном из кресел в глубине кабинета сидел мужчина. Повернувшись ко мне, он прищурился и обвел глазами с ног до головы. А я его. Собранные в пучок пшеничного цвета волосы, выдающийся лоб и редкая борода, подчеркивающая острые скулы. Он сидел в распахнутой кожаной куртке и шнурованных ботинках, по-хозяйски расставив ноги. Вся его фигура вызывала безотчетную

неприязнь.

– Ничего, мы уже заканчивали, – сказала М. – проходи, Дана.

«Так это и есть Дана?» – усмехнулся он себе в усы. Я так и замерла в дверях с подарком. Плечистый гигант двинулся на меня. Нехотя я посторонилась. Он шел вальяжно: из-за его габаритов и походки едва поместился в дверной проем. Наконец дверь за ним закрылась.

– Кто это? – бросила я, как только мы с М. остались одни.

– Мой супервизор.

– Вот здоровяк-то, чуть со шкафом его не спутала. Вы обо мне общались?

– Это не твое дело, Ягодка. Даже если по твоей милости расцарапываю ему грудь.

– Это тебе, – я поставила коробку на стол и, насупившись, легла на диван, свернувшись калачиком. М. зашуршала подарочной бумагой.

– Карликовое деревце? – удивилась она и под села ко мне, держа в руках горшок и со всех сторон разглядывая.

– Разве хозяйке леса положено обзывать? Оно не карликовое. Оно такое, каким быть должно. Это произведение искусства, и размер тут вовсе ни при чем.

А будешь любить — расцветет.

– Ты же знаешь, я не могу его принять. Это неэтично.

– Продавец в цветочном оказался настоящий фанатик. Вместо того чтобы просто сбыть товар с рук, он начал задвигать меня о философии японских мастеров: «Бонсай требует сострадания, усердия и мудрости. Вы к этому готовы?» Сама я никуда не гожусь, честно ответила я. Но уверила, что есть человек, которому доверяю самое капризное и хрупкое.

Какое-то время мы обе молчали. Щекой я чувствовала холодную кожу диванчика, мокнущую от слез.

– Давай поговорим о нас, – она легонько дотронулась до моей головы и провела по волосам. – О том, что ты чувствуешь здесь и сейчас.

– Ты бесишь, – буркнула я и уткнулась лбом в колени.

Конечно, это была лишь часть правды. Ведь были еще доверие и привязанность. Благодарность, нежность, неясная тоска... Но гнев затмевал все. Сильнейший гнев за то, как много она стала для меня значить, как мало я знала ее, как страстно желала хоть малейшего сближения. Она же отгоражива-

лась от меня законом и этикой: отношения психолога и клиента вне кабинета невозможны. Навязанное правило занозой вошло в мое сердце, не давая биться радостно и спокойно. Как же меня, черт возьми, угораздило?

– Ты ревнуешь? – спросила она чуть слышно, и я кивнула.

– Я дорога тебе? – снова кивок. – Амбивалентность – вот то, что ты ко мне испытываешь.

В этом вся М.: все расставит по полочкам, все объяснит. Трудно даже представить, как она веселится где-нибудь в парке аттракционов, пачкается сахарной ватой и вытирает липкие пятна с щек. Под руку с кем-то вроде меня в качестве подруги. То ли дело дружба с концептами из книжек? В груди опять защемило: острая колючка совсем не давала покоя.

– Рада, что ты пришла. У меня как раз вечер свободный... – протянула М. Но не успела я обрадоваться, прибавила: – Хотя высплусь, а то все работа да работа. Зато сплю как убитая. А тебе что-нибудь снится?

– Бывает, такое... – я заворочалась, ощутив горячий прилив крови к лицу. – Что просыпаюсь мокрая от возбуждения или, наоборот, в тревоге...

– Отчего?

– Помню лишь твое лицо, ко мне обездвиженной так близко. Своей рукой ты словно погружаешься в меня вынимаешь ночные грезы. А я бессильна даже пикнуть: «Оставь, хочу их помнить!» С тобой я беспомощна.

И снова кабинет погрузился в тишину. Горячие признания все еще витали в ней, М. молчала. Я тяжело оттолкнулась руками и села, откинувшись на спинку дивана и избегая смотреть ей в глаза. Потерла лицо и прибавила:

– А еще снилась та девушка, запертая в комнате. Она стучала и кричала... Но без особой надежды.

М. уже слышала об моем кошмаре, и все же попросила продолжить. Я зажмурилась, воскрешая детали. Сюжет почти не менялся. Неотступный и яркий, он приходил вновь и вновь. И каждый раз я просыпалась в испарине, не в силах даже встать с постели, чтобы выпить воды. Просто лежала с открытыми глазами, боясь снова уснуть.

– Эта девушка... Она верит в освобождение — но не в то, что ее освободят. А стучит она не из упования на милость сторожа, но чтобы самой не забыть — за дверью свобода. Помнить об этом

— самое-самое трудное.

– Значит, она там уже давно?

– Кажется, будто там и выросла, почти не зная другого мира. Несколько раз она сбегала, но ее ловили и сажали обратно — я слышала щекотды и цепи. Самое странное было то, что держали ее не столько ими — она была ловкая — но виной и стыдом. Думаю, ей промывали мозги: дескать, все для твоего же блага. Хочешь быть накормлена и принята — слушайся.

– Принятие и пища такой ценной... Она...

– – Как голодная цепная собака, привязанная к сырой вонючей конуре. Даже оборвав веревку сильной шеей и сбежав на волю... Никак не избавится от намордника. Вот и возвращается в свою тюрьму, оголодав и заскучав по приюту. Там ее ждут отбросы с хозяйского стола и порка за очередной побег. От одной только мысли меня воротит.

М. молчала, опасаясь, по-видимому, сбить направление моих мыслей. Некоторое время я и правда двигалась наощупь. Затем все встало на свои места. Я знаю, кто она. Еще девочкой запертая, огражденная от возможностей проявления своей дикости

и силы, своей природы. Помещенная в заботливо пошитую под нее — от раза к разу заново, покуда она росла — смирительную рубашку семейного и общественного: «Так нельзя, а вот так — надо». Ногтями скребущая дверь, тонущая в маленькой Венеции слез. Спасаящаяся в грезах.

– Она — это я. Та необузданная, непримиримая и неудобная «им» часть меня, что сызмальства подвергалась понуканию и критике. Она — это Дакини.

6. Не... прибли- жайся

Я не могла поверить своим глазам, впервые застав мою М. вне кабинета. Это случилось прохладным дождливым майским. Я забежала в кофейню недалеко от университета, хотя опаздывала на занятия. Заказала американо и бросила взгляд на витринные окна. Стоило мне увидеть ее, мою хозяйку леса, привычный шум в голове стих, уступив место одной-единственной мысли: «Она — реальна. Как же чертовски она реальна...»

Овладев первым импульсом подбежать, я стала вглядываться в нее, прижавшись к стойке бариста, чтобы остаться незамечен-

ной. Но М. и не смотрела в мою сторону. Чуть подавшись вперед и склонив голову, она писала в блокнот. Дневной свет ложился на них, обводя каждый изгиб.

О чем-то задумавшись, она покусывала губу, и меня это взбудоражило. По телу побежали предатели-мурашки, приводя его в тонус. Продолжая изводить себя, я перевела взгляд на губы: чуть-чуть вздернутый вверх их уголок, та самая едва различимая улыбка Будды. Она замерла на лице М., как и я.

Время остановилось. Фантазии расплетались разноцветными лентами: шелестя, наперегонки они вились к ней. Моя М. Я хотела позвать ее и не могла. Так она была самодостаточна, наполнена собой. Было в этой отрешенной красоте нечто новое и пугающе незнакомое — словно глядя на луну, я впервые увидела ее темную сторону.

Обступившие чувства казались слишком огромными и пугающими своей невыразимостью, чтобы с ними совладать. Я убежала, не обращая внимания на оклик бариста: «Эй, а кофе!» и даже не накинув капюшон. Дождь обволакивал асфальт, витрины и деревья, мое лицо. Я привела

рукой по волосам, и тут только до меня дошло, что держала в руке блокнот. Расстегнула ветровку, чтобы спрятать, но вместо этого, став посреди улицы, раскрыла его и стала листать деревянными от напряжения пальцами. Тяжелые капли размывали чернила.

Вот они, заметки о Дакини, сделанные в тот переломный день. Невидящим взглядом скользя по страницам, я различала лишь глухой стук отяжелевшего, словно намокшего сердца. «Бум!» – легкий нокдаун обретенной ясности. В эту самую секунду, когда М. казалась так далеко, я притянула ее связующей нас силой: капризной природы каждой из нас, неповторимой самости; нашей близости, когда мы вместе обнаружили Дакини. «Я люблю ее» – утвердила я вслух новорожденную данность. И мигом полетела выяснять отношения с моей М.

– Давай расставим все точки над і, сейчас же! – заявила я с лету, раскаленная свежевывжатой страстью, точно лавой вулкан.

– Дана? – опешила она, подняв глаза.

Да! Найти слова. Да! Настоять на собственной природе и правде. Да! Надежду на понимание, взаимность? Да. Насколько же это

пробуждение долгожданно... Да. На алтарь эту силу, ей. Да. Настоящая...

– Дана? – позвала она, глядя на меня с нарастающим беспокойством.

Что было дальше? Головокружение. Я чувствовала, как почва уплывает из-под ног, глаза не держат фокус, и предметы вокруг становятся рисованными, как в мультфильмах. Бешено колотилось сердце, но не было страшно. Только удивительно легко.

– Не... приближайся, – услышала я свой голос перед тем, как потеряла сознание.

Следующее воспоминание. Мы ехали на заднем сиденье такси, моя голова у нее на коленях. Голова. Неподъемная ее тяжесть, и не шевельнуться, чтобы взглянуть на мою М. хоть одним глазком. Узнать у нее, что со мной. Что с ней? Что с нами? Я погрузилась в сонный бред, где мы спорили на повышенных тонах. И выныривала обратно, где она была со мной.

Но воображаемая ссора все набирала обороты и вырывалась из границ бессознательного, грозя стать больше, чем галлюцинацией, поселиться в нашей реальности... и оттого я в панике цепля-

лась пальцами за бедра моей М. в капроновых колготках. Меня тошнило. Я боялась: а вдруг меня уже стошнило на нее? Но я не могла как следует опомниться и проверить: ссора затягивала с головой. Вскоре я сдалась, отдавшись ей безраздельно.

– Итак, ты подошла ко мне — с целью... — все выуживала она, тоже явно теряя самообладание.

– У тебя что, пластинку заело? «С целью, с целью...» Мне нечем похвастаться: до сих пор не было у меня другой цели, как только не быть здесь. Уехать отсюда к чертовой бабушке. А потом появилась ты и все перепутала.

– Не быть — здесь? Или все-таки быть — но не здесь?

– Надоели каламбуры! Какая разница, если ты забрала ее

у меня, подменив какой-то нелепицей?

– Нелепица ли, раз так теперь ее отстаиваешь? Молчишь? Не поделишься? Давай попробуем еще раз: ты подошла ко мне, чтобы...

– Сама напросилась, – бросила я и продолжила залпом, – Я хочу тебя. Развяжи мне руки – я хочу действовать! Может быть, тебе интересно знать, как именно я тебя хочу? А хватит ли стойкости, оловянный солдатик? Я хочу, чтобы ты желала меня в ответ. Чтобы ты знала: меня не надо водить на свидания и заморачиваться прочими условностями. Все это шелуха. И мне наплевать на закон. Я хочу быть твоей, сейчас же.

Она расхохоталась в ответ, хищно и власть.

– До чего же волнительно. Хорошо, что хоть в сонном бреду тебе достает мужества быть честной.

– Хорошо, что хоть в моем бреду ты на меня оскалилась хоть раз, по-настоящему!

– Дакини есть в каждой из нас. Тут ты права. Только не надоело тебе убегать для самых важных в жизни признаний в темную норку своих фантазий?

– А тебе не надоело ли прятаться под сенью этики? Держать дис-

танцию, пасовать перед риском сближения? Сделай шаг, отбрось осторожность. Хоть здесь, где нам за это ничего не будет – сделай мой выбор и твоим. Я люблю тебя.

– Ты вся дрожишь. Неужели и во сне боишься наказания за эти слова? Ах да, ведь ты так к нему привыкла. И это – наш маленький секрет, помнишь? Тебя наказывали несправедливо. За то, что ты была слишком искренна, слишком хороша, но другой, не их, красотой. И потому тебе так тяжело любить.

Она продолжила едва слышным шепотом: «Мой гадкий утенок, моя девочка... Раскрепощение – только в твоих руках. Только ты можешь распутать связанную внутри Дакини, а не страшиться и прятать в чулан. Но кое-что мы можем сделать вместе. Давай полюбим в тебе все то, чего ты боишься?»

– Дана? – позвала М., когда я ненадолго очнулась. – Скажи что-нибудь. Не молчи...

Только я не молчала. Захлебываясь у нее на коленях в потоке рыданий и стонов, выражала себя в нее, еще и еще.

7. Для твоего же блага

Я очнулась в больничной постели. Не утруждая себя изучением обстановки — сменяющиеся декорации ничего не стоят, когда взгляд прикован к сценическому перевоплощению — стала оглядываться в поисках ее, моей М. Комната была пуста. Неужели мне все только приснилось? Горечь. Реальность встречала острыми углами и ярким светом. Волной тошноты. Нелепостью пробуждения в привычный и чуждый мне мир.

Неужели снова сон забрал меня и, держа в своих объятьях, подарил единственную доступную подлинность? Я совсем пришла в себя, но не видела смысла в движении и не подавала голоса. Шум ворвется сам собой, так зачем его звать. Некоторое время я тупо смотрела перед собой, не преминула заглянуть и внутрь: выжидающая тьма. Я прикрыла глаза, притягивая назад мой сон: осторожно вылавливая каждую реплику, припоминая каждую деталь. Мое сокровище. Но вот открылась дверь, и вошла она.

При ярком больничном свете моя М. выглядела уставшей.

Контраст глаз, казавшихся на бледном лице совсем черными и пугающе выразительными. Выправленная рубашка как ослабленный контроль, так непривычно. Была в этой «взъерошенности» особая, хищная и родная, обворожительность. Она присела на кровать. Какое-то время я смотрела на нее снизу вверх, затем нехотя приподнялась на подушках и стала разглядывать ее юбку: в памяти воскресли обрывки воспоминаний о нашей поездке. Что из пережитого было нашим совместным опытом? За что мне придется дать ответ? Чем теперь были для меня эти ноги? Что ж, ухмыльнулась я, по крайней мере, все чисто — меня на нее не стошнило.

– Ты какая-то притихшая, – подмигнула она заговорщически, – язык проглотила? Совсем не юлишь и даже бровью не поведешь на кофе? – с этими словами она сделала глоток из своего стакана и поставила его на тумбочку у изголовья. На нем красовался свежий след помады: помню, как сейчас.

– Спасибо. Мне хватило в кофеине.

– Хорошо, что хоть упрямиться не перестала, а то совсем тебя не

узнаю. Расскажешь мне, как будешь готова, что произошло?

– Кажется, меня сбила с ног волшебная тележка бессознательного.

– Метафоры! До выздоровления – рукой подать! Тяжелая поди тележка?

– Неповоротливая – как разгонится, не остановишь.

– Так-так, а внутри?

– У терапевтов, как я погляжу, совсем выходных не бывает?

– Ну почему же, сегодня намечался, – устало улыбнулась она. – Но возник особый случай...

– До меня тут дошло, – перебила я. – Я останусь. Хочу жить в согласии с моей природой, к черту насилие над собой. Буду радоваться радуге и дождям, расти и цвести от твоего влияния. Ведь я не хуже фикуса, правда?

Набравшись смелости и сил, я взяла руку М. Подержав немного в своей, коснулась на секунду губами. И тут же отпустила, словно обжегшись. Что же я натворила, ведь это не сон.

М. не отняла руки, но сидела совершенно неподвижно. Лицо оставалось как всегда непроницаемым. Перебарывая себя, я искала ответного взгляда. Не спущу с нее глаз, только не теперь.

Вдруг я представила, как она встает и уходит. Идет в туалет и тщательно намыливает руки, желая смыть меня и мой поцелуй. От жгучего стыда захотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть. Бежать без направления, без оглядки. Бежать, бежать и бежать. Но я не могла, поэтому просто закрыла глаза. – У тебя случился нервный срыв, – услышала я ее голос как бы издали. – С тобой будет работать психиатр-клиницист. Я в этой области не компетентна, а потому должна была тебя передать. Это для твоего же блага.

Не открывая глаз, я сползла на подушках. Дыхание застряло где-то на полпути, а сердце словно устало напрасно колотиться в груди. В ушах стоял тяжелый звон, сквозь который слышались ее последние слова:

– Ничего не хочешь сказать? Иногда я тебя совсем не понимаю.

8. Ясность

Все время пребывания в больнице я набиралась сил, избегая любых мыслей. Ела кашу и пила какао, делала физкультуру и ходила на процедуры. В назначенное время посещала психиатра

и сдавала кровь на анализы. Время снова потеряло форму, я даже не смотрела на часы и все откладывала необходимость учиться жить заново.

Один раз взялась было взглянуть на заметки о Дакини, казавшиеся теперь ужасно ветхими. Которые, однако, и так уже знала наизусть. Все внутри сжалось туго-туго, когда я обнаружила, что синий блокнот принадлежал М. Наверное, наши близнецы поменялись тем утром в кофейне.

Я спала с ее блокнотом под подушкой или прижимая к себе, не находя решимости заглянуть внутрь. Во мне медленно разрасталась тоска, потребность не говорить самой, а выслушать ее – хоть однажды. И тогда я открыла первую страницу.

Ее заметки вроде «пограничное расстройство личности», «стратегия избегания», «вспышки гнева», «зависимая» значили для меня намного меньше, чем то, что М. ко мне далеко не безразлична. Я хныкала как дитя малое, читая ровным беглым почерком написанные слова: «яркая», «открытая и смелая», «притягательная», «аутентичная». И ее обращение к себе, датированное днем, когда я встретила ее в кофейне:

«Давай рассуждать трезво и без «если бы»? Не забывайся – ты все-таки ее терапевт».

Я улыбалась от тихой и болезненной нежности, переживая заново наши драгоценные совместные минуты. Даже те, когда выводила М. из себя, просто бесила. Что происходило, судя по ее словам, куда чаще, чем я могла ожидать. Моя милая М. Случалось, она орала и топала ногами, падала в бессилии на софу, едва за мной закрывалась дверь. И много думала обо мне после.

Моя милая М. Такая живая и настоящая. Это открытие обещало прощение, примирение и целую бурю чувств – не будь я на транквилизаторах, или чем меня там пичкали до самого дня выписки.

А выписали меня в один из тех потрясающе безмятежных дней поздней весны, когда в природе прекрасен каждый штрих, и сама она воркует в полном довольстве собой. Я сидела на скамеечке в парке, оттаивая после стерильной больничной прохлады, шурысь и пробуждаясь для жизни. Надо мной благоухала сирень: так и май цвел, приветливый и нежный. Солнце грело теперь по-настоящему. День давал приют от

ночной печали, но взамен требовал от меня новой решимости. Ход мыслей, однако, кротовыми норами вел к светлому кабинету, где висела табличка «Не входить». Тупик?

В сущности, к себе у меня был один-единственный вопрос, и я задавала его на разные лады снова и снова. «Ведь нельзя же одновременно молчать и быть улышанной, как нельзя уйти и в то же время остаться, так? Так? Чего же ты ждешь? Что выбираешь? Сделай уже этот выбор». Разрываемая им на части, я простодушно ждала, что какая-то из них мобилизует все силы и подтолкнет на принятие решения. Взвешивала все за и против, давая логике шанс. Мысленным взором рисовала иллюминатор и бескрайнее небо: «Улететь. Или остаться?» Держала и тасовала в руках карты таро: «Пустить в дело случай? Бросить монетку? Ерунда».

Мой взгляд застыл, когда, устав витать в облаках, я посмотрела, наконец, себе под ноги. На свежей зеленой траве лежали опавшие белые цветки. Как и сирень, цвели и осыпались дни. «Чего ты хочешь от них?» – М. была права, задавая мне этот вопрос. Я позвала едва слышным шепотом:

«Дакини».

Мы обе этого заслужили: решив хоть однажды высказаться по-настоящему, я оставила под дверью М. вместе с ее синим блокнотом – мою «Ясность».

Ясность

Дорогая М.

С того момента, как ты вошла в мою жизнь – а точнее, я ворвалась в твою без стука – столько всего поменялось. Кое-что начинаю осознавать только теперь.

До встречи с тобой я беспомощно оглядывалась по сторонам, цепляясь за других и вопрошая: «Значу ли я что-нибудь?» И получала от мамы, школьной учительницы, приятелей и историка такие разные и противоречивые ответы. При этом и понятия не имела, что такое это «Я». Ты помогла мне отыскать его, научила ощущать этот центр. И я понесла тебе мое новообретенное сокровище с тем же вопросом. Но теперь вижу: он должен быть адресован только ко мне самой. И отвечаю: «Да, мое сокровище. Я дорожу тобой больше всего на свете».

Как никогда прежде я твердо знаю, где мои «да», а где «нет» – и могу делать между ними свободный и осознанный выбор. Так, я перестала щетиниться и с

благодарностью принимаю «их» помощь: как-никак, именно «они» направили меня к тебе и помогли встать на ноги. Так же и мама: пусть по-своему, она имела в виду мое благо. Теперь я взрослая и научилась находить и бороться за него сама — уверена, это лучшее, чего она может для меня пожелать.

На многие вопросы мне еще предстоит отыскать ответы. Ведь обрести себя — только начало. Так, меня обжигает любовь. Как быть с ней? Не знаю, но точно не понесу ее на нарко-вечеринку или к похотливому профессору. Ты права, сильные чувства тяжелы, их трудно выдерживать. Страх и смятение, гнев и грусть, страсть и упоение, доверие и покой. Впервые за долгое время мне доставляет удовольствие нести их в себе. Именно благодаря им я живая. И как же хорошо — быть мной! Тихонечко, просто быть: без эксгибиционизма и дурманящей жажды слить их куда-нибудь поскорее.

Так что отныне я на своих ногах для новой жизни в единении с собой. Надо сказать, чертовски трудно двигаться дальше без внешней опоры, без тебя! Могла ли я ожидать, что ты ведешь меня за руку через лесную чащу — к

освобождению? Желала ли я этого? Впервые я знаю о свободе не понаслышке: от нее веет пустотой вызовов и возможностей. Я знаю, что справлюсь.

Пусть теперь и уязвима, как никогда, зато я буду собой. Ты ушла, а самость осталась. Твое принятие и моя любовь меня раскрепостили. Твоя нежность (уж прости, не удержалась и прочла твой дневник) меня примирила. Я уважаю тебя и твое решение. А ещё, моя милая М., мне так тепло от того, что в мире есть такие люди, как ты: отыскавшие свою суть и помогающие в этом другим. Это вселяет веру в жизнь. Для которой я только-только открываюсь, подобно цветку лотоса. И тот рос из семечка, не зная иной среды, кроме грязи и темной мутной воды, из которой вышел. До первого настоящего вдоха и цветения: осознания прелести мира — и своей собственной.

Я дорожу нашими улыбками и ритуалами, метафорами и даже стычками. Пространством, которое мы создали. И знаю, мое чувство взаимно.

Береги деревце бонсай и жди открытку из Нью-Йорка.

Помни, что бы ни случилось, мы всегда можем остановиться и позвать: «Дакини!»

Анна Толкачева

КРАШ ИЗ ГОРОДА ВЕТРОВ

Пролог

Самолет набирает скорость.

Всегда с места в стремительную гонку, чтобы вжимало в кресло, чтобы уши закладывало.

Мысленно держусь с пилотом за один штурвал, тяну на себя. Оторвались.

Смотрю на становящиеся игрушечными домики. Думаю, а я увижу свой дом? Крыло загребаёт вбок, хватаюсь за подлокотник, как в детстве на аттракционах. Когда знаешь, что симуляция реальности, и все равно хватаешься.

Когда-то я уловила сходство между набором высоты и подступающим оргазмом. Наверное, потому я перестала путешествовать поездом.

Облака уже давно подо мной. Они бугрятся, как снежные барханы. Нежные, как шерсть новорождённого котенка. Так хочется пройти по ним кончиками пальцев.

Пронеслась всего пара-тройка мыслей, а тех барханов уже нет. Ничего нет. Все кажется ненасто-

ящим, а полет 3D-симуляцией. Ощупываю нагретый пластик подлокотника.

Что же тогда? Что оно – настоящее?

Это несправедливо! Какую книгу ни возьми, кого ни послушай – у всех был сексуальный опыт лет в 11-12. И только у меня не было. Иногда мне начинает казаться, что до универа я жила в пансионате для монахинь, а не дома с любящими мамой и... бабушкой. Пока Родительский комитет с новым энтузиазмом бушует о влиянии воспитания на ориентацию подрастающего поколения, скромно напомним, что половина страны воспитана в однополых семьях матерями-одиночками. Влияет ли это на ориентацию их детей? Да вряд ли. Это просто я попала под раздачу.

Вот, например, Ирэн жила в полной семье, у нее было несколько братьев. Как она рассказывала мне, пока мы прогуливались единственным за всю

поездку жарким днем вдоль пляжа, Ирэн привыкла с ранних лет и к обценной лексике братьев, и к вонючим носкам, и к небритым подмышкам, и где, спрашивала она свою родительницу, ей носить кружевные платишки, когда вокруг одни гориллы?

Платье, кстати, смотрелось на ней изумительно.

И вот когда мы перешли первый порог осторожного ощупывания собеседника, в другую нашу прогулку, она уже без стеснения рассказывает о своих шалостях с подружкой детства у бабушки в деревенском домике, на чердаке, кажется. Им было по 12 лет.

Мы с Ирэн идем вдоль линии одноэтажных домиков в Листвянке. По другую сторону дороги – берег, но там слишком ветрено. Домики деревянные, со ставнями и крашеной вагонкой. Легко представить пронизанный пыльными лучами чердак, потрепанный жизнью матрас, Ирэн в шортах, думаю, они были сиреневые, ей идет этот цвет, шорты парусятся на ее загорелых худых бедрах, а спереди она засунула в них огурец. Девчонки хохочут. Почему огурец? Ну, это так типично для нашего детства. А потом появился парень, в которого

влюбилась ее подруга, и все разом кончилось. Так всегда. Вечно они все портят.

До 17 лет я не прикасалась к мужчинам. Я их боялась. Но парням валентинки писала регулярно. Каждый раз новому парню. Так ведь, кажется, положено делать. Мама вот постоянно донимала вопросом: кто из мальчиков тебе нравится?

Я думала, они мне нравятся: у одного были красивые глаза, у другого интересные мысли, третий был веселым. Однажды учительница спалила нас за перепиской на уроке, выудила из мусорной корзины наши записки и принесла их маме. А мама – бабушке. И началось: фу, Аня, это же пошлый двоичник! Как ты до такого докатилась?

Валентинки мои эти мерзавцы тут же отправляли в задний карман джинсов. Делалось это при всем классе. Не знаю, зачем мне нужна была эта стыдная показуха. Может, мне отчаянно хотелось выглядеть как все. И я перегибала палку. А потом жаловалась подругам, какие они все козлы, и заявляла, что в таком случае перейду играть за команду в розовом. Мы смеялись. Но в каждой шутке есть доля шутки. Мне было

любопытно, как они отреагируют. Я проверяла их.

В тот солнечный день на реке мы тоже много смеемся. И делаем легкомысленные фото. Вот наши ноги лежат на гальке, а впереди как будто море: ярко-синяя вода, блики и «морская пена» из нарастающего льда. Плюс тридцать, наверное. И лед. Впервые такое вижу.

А вот мы делаем фото, как будто целуемся. Ирэн косит глаз в сторону камеры. Она так и не сомкнула ресниц, когда я коснулась ее носа кончиком своего. Это фото я вряд ли куда-нибудь выложу, оно хранится у меня на диске, как и многие сентиментальные сокровища, которые я никогда не покажу другим.

А вот мы вышли на палубу ледокола и изображаем сцену из «Титаника», ту, где на носу корабля обнимаются герои и раскидывают руки в стороны.

А вот мы сидим в уличном кафе, Ирэн уже сточила свой «Цезарь» и теперь рассказывает о каком-то испанском фильме, где двое мужчин катаются вдоль берега на велосипедах, потом падают от усталости на пригорке, смотрят друг на друга и начинают жадно целоваться. И я думаю: жаль, что

у нас так не выйдет. Вообще, все места, где мы успели побывать, отмечены в моем воображении так: здесь мы могли бы поцеловаться.

Тем временем Ирэн закончила пересказ, а я доедаю уже успевшую остыть солянку. Она спрашивает, как бы между делом, как результат каких-то своих скрытых от глаз умопостроений: «Интересно, – говорит она, и ее красивые губы изгибаются полумесяцем, а у меня в горле застревает суп, – интересно, а как это происходит у людей одного пола? Как они понимают, что влюблены?»

«Да так же, как и все остальные, ничего особенного», – бубню я себе под нос и смущенно отвожжу взгляд. На кассе парень отбивает чек женщине с ребенком. Пожалуй, пора валить.

«Искра?» – упорствует Ирэн.

«Да, – говорю, – искра». Хотя понятия не имею, что это значит в ее воображении.

И мы идем дальше, на ее любимое место, «ее личный кабинет», как она это называет. Это место на берегу реки, где на изгибе ствола удобно сидеть и смотреть на противоположный берег. И писать стихи.

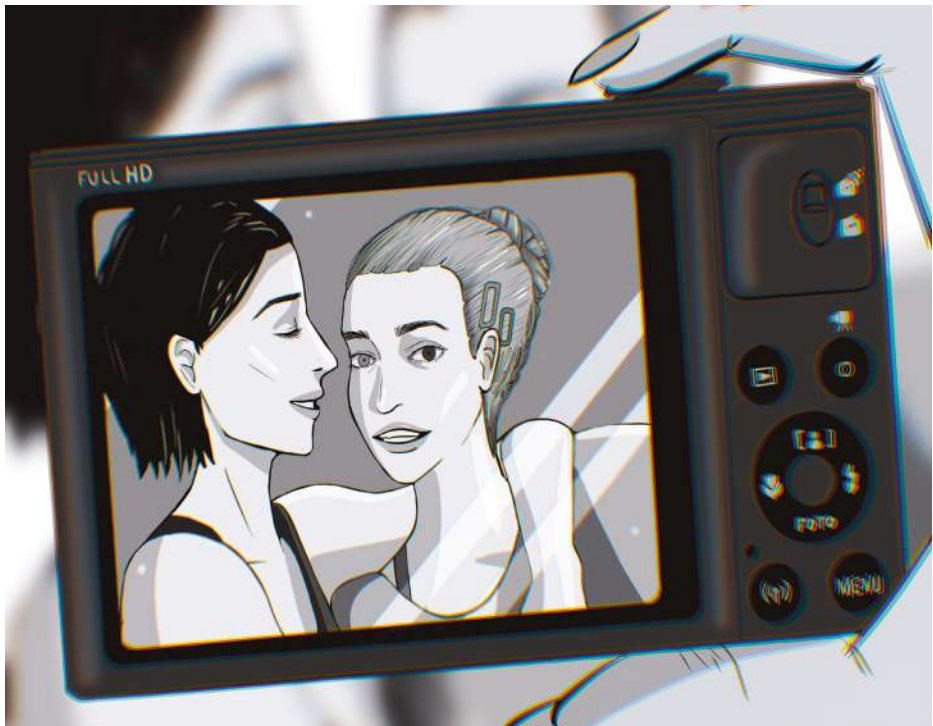
Я ведь еще не сказала. Ирэн

пишет стихи. Они всегда проникают мне в самое сердце, а может, глубже. В них я нахожу себя.

Я никогда не понимала поэзии. Но читала регулярно, когда Ирэн выкладывала новье в сети. Иногда слушала ее видео. И смотрела. Иногда, потому что это было как глоток вискаря: обжигающе и пьяняще. Как лекарство, к которому нужно прибегать только в крайнем случае. Иначе тебе точно сорвет крышу. Я ведь в прошлом году чуть не сорвалась, как только Ирэн позвала меня в гости. Побежала выбирать билеты.

Только необходимость поставить прививку и ее, Ирэн, госпитализация все испортили.

Мы очень легко сошлись в сети, понимали друг друга с полуслова и даже плакали одновременно. Я всегда понимала, что у нее приступ, и потому она не выходит в сеть, а потом она говорила, что так все и было. Мы шутили, что нас собрали на одном заводе по производству андроидов. Как-то раз я прислала ей песню «Сплина»: «Смотрим друг другу в глаза и мороз по коже... мы так похожи».

Так ли это на самом деле? Стоило задуматься над этим, ведь похожих людей не бывает. Бывают иллюзии на этот счет, и когда-нибудь им суждено разбиться. А пока мы лайтово общались и сошлись на несчастной любви, в которой каждой досталось от негодяя, обманувшего наивное открытое сердечко. Наши истории тоже были похожи. Не в деталях, а в главном.

И вот мы идем по проселочной дороге в Листвянке, мы держимся за руки, я в ее жилетке, от которой пахнет ее цветочными духами. Она любит жасмин. Эту ноту добавляют во все популярные духи. Мы спускаемся с сопки, которую нам порекомендовали как самую лучшую для обозревания прекрасных пейзажей Байкала. С сопки, на которой я тоже могла бы ее поцеловать, невзирая на очередной рассказ о ее бывшем, об их страсти – просто прекратить поток слов поцелуем, как она всегда рекомендовала своим подписчикам. Но очередной поворот сталкивает нас с двумя дамами в пледах, которые с рассеянным видом озирают ближайшие кусты и живописно открывшиеся взору крыши домов. Им тоже обещали несбыточное.

В общем, мои полные бредового романтизма планы снова разбиты, и мы спускаемся обратно к цивилизации, к замершему Чертову колесу, на котором мы не прокатимся, к пестрым пляжным зонтикам и бодрым битам, рвущимся из динамиков каждого киоска с кофе и донатами.

Ирэн останавливается и спрашивает, как бы по секрету, такой у нее тон сейчас: «Что значит любовь?» Я тоже замираю. Не очень-то удачное место для объяснений: под ногами грязь и гравий, по бокам окна и коптильни, у ворот какой-то мужичонка готовит рыбу. Неужели нельзя было это сделать там, наверху, над искрящимся от солнца озером, на холодном ветру, который мгновенно искусал бы наши влажные губы? Он сохранил бы нашу тайну среди листвы, чаек и шороха гальки. Он, но никак не этот мужик в сальном переднике.

«Любовь?» – недоуменно переспрашиваю. Не так давно я кому-то говорила, что любовь в моем понимании – это принятие, ответственность и что-то еще. Неважно. Все это не касается нас напрямую, просто Ирэн хочет понять, есть ли альтернативные определения того, что она назы-

вает искрой. Можно выдохнуть и успокоиться. Меня тянет на воспоминания, которые, как мне кажется, хорошо иллюстрируют затронутую тему. Мы заходим в забегаловку, где можно сидеть на высоких табуретах у окна в тепле и смотреть на волны. И пить кофе. Играет музыка нашей юности. Это еще больше располагает к откровенности. Мы берем капучино. Я заказываю чизкейк, Ирэн – блинчики с начинкой.

Не знаю, как вам это удастся. Честно. Над моей девственностью тряслись аж до 19 лет. В семнадцать моя первая любовь считала позором, если я вернусь домой не девственницей. Первый парень, который за мной ухаживал, берег меня. Для кого? Не знаю, чем бы это все кончилось, не попроси я парня, в которого была безнадежно влюблена, меня трахнуть. Помню, он потом об этом эссе написал, которое прочитали все общие знакомые. Все, кроме меня.

Парень за кассой заинтересованно разглядывает нас, а я – его. Короткая стрижка, темная бородка и тоннель в ухе. Наконец он решается спросить: «Вам не нравится кофе? Вы так на меня смотрите...»

«Я смотрю, вы так и не дали

мне чизкейк».

Пирожное выдано, блинчики дымятся перед Ирэн, чувак у кассы забыт. Может спокойно слушать мои излияния дальше. Так вот. Мой первый лесбийский опыт случился, когда я уже училась в аспирантуре, и не просто так случился. Тогда я встречалась с нашим общим знакомым. Думаю, он таким нехитрым способом хотел быть поближе к моей подруге. Вот только незадача: это была моя любимая подруга. И чего тут удивительного? Кто не влюблялся в своих подруг, пусть первой кинет в меня тампакс. В общем, у нас вышел нестандартный любовный треугольник. Как-то раз я посетовала, что так никогда и не увижу ее оргазма.

Парень все устроил. Молодец. Учел пожелания всех сторон, как говорится. Каковы были пожелания моей подруги, я никогда не узнаю. И вот теперь, когда прошло больше десяти лет, я могу это сказать.

Мне. Не. Понравилось.

Это не значит, что я ее не любила или разлюбила с тех пор. По-прежнему я очень тепло к ней отношусь и готова сорваться на помощь в любой момент, и все

еще тоскую, когда слышу ее голос. Она звонит поздравить с днем рождения раз в два-три года.

Несколько лет мы с ней ходили вокруг да около и не решались рассказать о своих чувствах, пока она как-то раз не выхватила мой блокнот из стопки тетрадей и не написала мне, что любит. Но и тогда я умудрилась все испортить. Она предложила мне себя: «Если хочешь, я пересплю с тобой». Как-то так. Это условие «если хочешь» показалось мне тогда унижительным. Не знаю почему. Я гордо отказалась. Теперь я понимаю, что она, скорее всего, боялась отказа.

Вечно я все не так понимаю. Помню, готовила наш девичий чатик к своей новости потихоньку, прежде чем брякнуть: вы знаете, девчонки, я, вообще-то, би. Ну как, вы еще не передумали со мной общаться? Ирэн тогда написала, что все люди по природе своей бисексуальны. Привет Фрейду. Помню, она тогда рассказала, что в школьные годы была влюблена в подругу. Наверно, она хотела меня поддержать, только и всего. Зачем позже она говорила, что я в ее вкусе – не знаю. Другой не выбирают по вкусу, не так ли? Я опять поняла что-то не то.

Потом при встрече я все пыталась уловить от нее какой-нибудь намек, что я ей небезразлична, но ничего такого не ощущала. Какого-то маломальского влечения в мою сторону. «Наверно, я просто плохо умею считывать это все», – думала я. Ведь меня никогда не хотели в открытую. Как-то раз я все же спросила у Ирэн: «Я сильно отличаюсь от того, какой ты меня видела в сети?»

Ирэн внимательно пригляделась ко мне, прошла изучающим взглядом по линии носа, задержалась на губах – сердце отсчитало несколько тяжелых ударов – а потом выдала экспертное заключение: не, все так же. Но за этим ничего не последовало. Я просто попрощалась и ушла.

«До завтра», – сказала я, открывая дверь.

«До завтра», – подтвердила Ирэн, закрывая за мной.

И вот я совершенно по-детски болтаю ногами на высоком табурете в теплой забегаловке, где нас напоили горячим капучино, и рассказываю очередной эпизод из занимательной жизни влюбленных друг в друга девиц. Выходить на улицу не хочется. Тут

есть все, что нужно: кофе, присутствие Ирэн, тепло, синее небо.

«В общем, это она приучила меня носить рубашки и галстуки. Тогда они как раз были модными», – вещаю я на весь пяточок три на полтора.

«Так значит, в вашей паре ты была за парня?» – уточняет Ирэн, деловито отправляя в рот кусочек блинчика.

«Ну я бы не сказала, что в подобных отношениях такое четкое разделение...» – отвечаю я с интонацией эксперта. Ха-ха. Не было у меня никаких отношений. С девушками. Никогда. Потому что я трусиха.

Ирэн спрашивает: «А как вы расстались?»

«Никак, – отвечаю я, – мы ведь и не встречались даже».

Когда-нибудь приходится покинуть уютное насиженное место, и я уже поглядываю на дверь кафешки. Музыка стала незнакомой. Неинтересной.

«Доешь блинчик?» – внезапно спрашивает Ирэн.

«Что? Ты разве не будешь?» – я удивлена. Такое обычно просят у родственников. Я смущена ее таким почти интимным предложением.

«Я наелась», – говорит Ирэн.

Так по-детски.

Пока я доедаю ее блинчик, после сладкого шоколадного – а может, клубничного, я не помню – чизкейка блинчик с ветчиной и сыром кажется кисловатым на вкус. Такое себе сочетание, да и кофе почти кончился. Но я упорствую. Я кремьень. Так-то.

И пока я жую этот блинчик, мне вспоминается эпизод из детства.

Мне лет 12. То самое время, когда дружба девочек и мальчиков становится зазорной, а жаль, ведь у меня было несколько друзей мальчишек, все они были ловеласами, вокруг них увивались поклонницы, а однажды мне даже довелось стать свидетельницей слез одной из безответно влюбленных. Меня мало растрогали ее слезы. Женская солидарность в те времена – это было не про меня. Меня вполне устраивали футбол, подножки зазевавшемуся другу, игры в привидения и охотников за ними. Помню только, меня поразил сам факт этих слез. Оказывается, в моих друзей кто-то влюблен. Обалдеть.

В те времена я была очень брезглива. Если кто-то пил из горла пластиковой бутылки во дворе, я не стала бы пить оттуда, если бы даже внезапно случилась

засуха, и питьевая вода стала на вес золота. Как можно доедать за кем-то начатое блюдо, я даже представить не могла – мне сразу становилось тошно. Ладно, я бы брезговала знакомыми, но пить из одной кружки с бабушкой или мамой я тоже не могла. А еще меня дико бесило, как они едят варенье, черпая его уже облизанной ложкой прямо из общей банки.

Как-то раз, когда у мамы был отпуск, и мы все втроем отправились на море в Сочи к бабушкиной подруге, мы пережидали жару в тени на улице рядом с магазином для художников, где я любила рассматривать картины с морем. Рядом была кондитерская, где я тоже любила бывать. Больше всего мне нравились пирожные «корзиночки» со сливочным кремом пирамидкой, рассыпчатым печеньем, вишневым повидлом и вишенкой на верхушке. А маме нравились миндальные лепешки. Но в тот раз мы не пошли туда, а сидели рядом на лавочке в парке, мама купила свежий батон и упаковку кефира. Картонную, одну на троих. Я отказалась от трапезы. Мама обиделась. Все из-за моей неестественной брезгливости, сказала

она. Я, видимо, не находила себе места, потому что бабушка посоветовала мне неожиданный способ примирения: сказать, что я ее люблю. Была у меня в те времена еще одна странность: до того момента я никогда не говорила «люблю». Даже маме. Я просто не могла этого произнести. Когда мама в мимолетные минуты нежности говорила, что любит меня, я отвечала «аналогично». Я видела, как это говорил ее любимый персонаж из фильма «Призрак», которого играл Патрик Суэйзи. И вот тогда-то произошло чудо: я сказала это, и мама меня простила. Теперь иногда мне кажется, что можно вот так же, как в детстве, осчастливить кого-то своим «люблю», и все проблемы разрешатся сами собой.

А еще в 12 лет со мной случилось нечто ужасное. Я поняла, что мне нравятся не только мальчики. Это осознание оставило во мне ощущение чего-то тяжелого, отравленного, ненормального. Тогда мне стало страшно. Его помнят насквозь пропитанные холодным потом простыни. И я. Как ни старалась стереть это из памяти. Тогда интернета не было, и я не могла найти в сети, что все это значит. Я просто знала, что

я ненормальная. И что мне нельзя заводить своих детей, чтобы они не получили в наследство мою дурь.

Иногда я думала, что, наверно, проще убить своих родных, а потом и самой разделаться со своей никчемной жизнью, чем выносить все это. В одиночку. Как-то раз мне бросилась в глаза фраза «Сбрось свою маму под поезд» – это было название какого-то фильма в телепрограмме. Потом еще долго эта фраза резала мне уши, слышалась в перестуке колес, доводила меня до сумасшествия по ночам. Да что там, я и так считала себя сумасшедшей, но оказаться в психушке я боялась еще больше, чем хоть как-то проявить свои неестественные наклонности. Интересно, догадывалась ли о чем-то моя бабушка, когда говорила, что у меня шизофрения? Это, правда, было сказано по другому поводу: я еще и начала мыть руки по сто раз на дню, так что кусок мыла кончался за неделю, а то и раньше.

В общем, не знаю, что люди считают счастливой порой, когда говорят о детстве. Для меня это было адом.

Позже та самая подруга сказала мне, что влечение к представи-

телям своего пола – это вариант нормы.

«Так что, Ирэн, любовь – это не совсем то, что драка подушками в 35 лет, хотя и в этом есть смысл», – как-то так я хотела ответить на ее вопрос, когда мы уже выходили из кафе. Беглый взгляд по барной стойке, деревянные брусья, кое-где затертые, крашенные в коричневый, – не забыла ли очки? Один беглый взгляд на бороду кассира. Дверной колокольчик брякает, нас снова обнимает ветер. Он крадет еще один вопрос Ирэн, уносит его в бездонную синеву: «А это возможно – любить сразу двух?»

Со времен оглушительного провала тройничка я занимаюсь сексом только с одним партнером. А вот принимать человека со всеми его косяками, вдохновлять и поддерживать – почему нет? Сколько угодно. Разве это так сложно?

Однажды я всю ночь провела с тобой. Во сне мы занимались сексом. Всю ночь. Это было еще до того, как мы с тобой решили сделать марафон на двоих с нюдсами в инстаге, и до того, как все твои родственники спалили тебя с голой попой. Даже жена бывше-

го начальника. Уверена, она вздохнула с облегчением в тот момент, потому что у нее не такая классная задница.

Обычно если мне снится секс с женщиной, то он вполне себе традиционный, в том плане, что я там всегда в виде мужчины, орущую своей елдой и с наслаждением слушаю стоны. Все как в порнухе, короче, ничего личного.

В этот раз все было по-другому. Я даже позволила тебе поменяться и быть в активной роли и даже умудрилась кончить, чего со мной никогда не случалось в моей весьма посредственной сексуальной жизни с девушками.

Этого не должно было случиться, но случилось. Прости.

Утром я проснулась абсолютно счастливой и еще долго сохраняла поселившееся внутри тепло. Наверно, тогда я и осознала, что ты для меня не просто знакомая из списка контактов в инстаграме. Ты ничего об этом не знала, и я надеялась, что не узнаешь никогда.

Ирэн спрашивает, нужно ли меня встретить в аэропорту. Я говорю, нет, не надо, адрес я знаю и уже не маленькая. Конечно, мне было бы чертовски приятно, но я знаю, что Ирэн устает на работе и любит по-

спать в выходной. Я и так слишком рано приеду: около шести утра. Заселение в гостинице начинается с двух, и я напросилась к Ирэн в постель. Да, считай, что это был мой офигенно дерзкий план. Мне стоило написать админу гостиницы и попросить заселение пораньше или посмотреть фото интерьеров, чтобы узнать, что в общей гостиной есть диван. Но тогда вряд ли бы я оказалась с ней рядом под одним одеялом. В первый же день. Всю дорогу я боялась, что не смогу уснуть, буду гореть так, что придется вызывать пожарную бригаду. Каждый раз, закрывая уставшие от чтения рукописей глаза, я видела, как на меня смотрит Ирэн, немного грустно и мечтательно, как, должно быть, смотрит молодая француженка, прогуливаясь по Монмартру в ожидании опаздывающего возлюбленного, она ведь романтик. А цвет глаз ее напоминает неспешные воды Сены.

Ирэн упрекает своих бывших в том, что ни один не смог разглядеть, что один ее глаз карий, а другой зеленый. Я всматриваюсь в них и тоже не вижу. Зато мне удалось разглядеть сегмент янтарного цвета и россыпь черных точек вокруг. Надеюсь, эта

маленькая деталь, это смягчающее обстоятельство станет основанием для помилования.

Однако то, чего я так опасалась, не происходит. Не будет ни жарких влажных касаний, ни задыхающихся всхлипов, ни танцевального бита туземных барабанов, заменивших наши сердца. Ирэн отворачивается набок, щедро поделившись со мной подушкой. Я смотрю на ее плечо, обтянутое тканью футболки и вспоминаю первую встречу, произошедшую всего-то 20 минут назад. Такая естественная, как будто мы, и правда, сестры. Мы обнимаемся на крыльце, она спрашивает что-то очень светское и незначительное типа «как доехала», и этот вопрос рушит начинающую меня сковывать робость. У нее приятные духи и накрашенные ресницы.

Я разглядываю ее шею, лежа на подушке, которая пахнет ее духами. Ирэн оборачивается. Оказывается, она тоже не спит. Нас пробивает на болтовню. Мы рассказываем наперебой смешные истории из нашей жизни, как будто долго не виделись и накопили целый чемодан всякой ерунды, которую специально не побежишь рассказывать, но

которая вываливается сама собой, стоит только оказаться вместе.

Пожалуй, болтовня в постели – это самое трогательное и самое интимное, что происходит в отношениях. Это случается далеко не со всеми, с кем у тебя бывают половые связи. Такое бывает только в самом начале, когда партнеры еще не израсходовали набор тем для обсуждения и хотят делиться с любимым всем, что у них есть.

Раз уж не спится, мы решаем посмотреть сериал, все так же под одним одеялом с наушниками на двоих. Я будто бы попала в счастливую юность, которой у меня никогда не было. Но и теперь мы постоянно прерываемся на болтовню. Пока что мы так жадно впитываем друг друга. Пока мы еще не насытились. Это все отодвигает на второй план все мои опасения, я почти ничего не ощущаю, кроме заплывающего интереса к жизни, которая 36 лет проходила где-то вне моего существования и вдруг стала осязаемой.

Дождавшись 14.00, мы, все еще возбужденные, невыспавшиеся и диковатые, идем заселять меня в номер. Нас встречает пышная дама и спрашивает, будем ли мы с Ирэн селиться вместе. Смотрит

на нас с доброжелательной, мне кажется, чересчур, улыбкой. Какой-то выжидательной. Я-то прекрасно помню, что номер без окна и с одной двуспальной кроватью. Идеально для тайных свиданий. Ее улыбка меня смущает. Я поспешно отвечаю, что буду жить в номере одна. Да, десять дней. Мне дают ключ, и мы идем вместе с этой женщиной и Ирэн в номер. Женщина цепко стягивает вторую подушку. Не знаю, зачем она решила меня так наказать, но она мнет край подушки своими толстыми пальцами, желает нам хорошего отдыха и уносит ее с собой. Оставляет нас одних, и мы тут же плюхаемся на эту кровать недоумевая. Ирэн, весело болтает в воздухе ногами и предлагает сфоткать меня здесь завтра в стиле ню. Я легко соглашаюсь.

Одна фраза из романа Ирэн до сих пор сидит в моей памяти: «Хочешь, я разденусь для тебя?» Конечно, здесь имеется в виду «обнажить душу». В сущности мы так редко это делаем, а потому решаемся вывалить все человеку, которого едва знаем.

Следующим утром во второй и последний раз Ирэн заходит в мой номер. На ней платье

цвета морской волны, то самое, в котором я уже днем сфоткаю ее на обрыве у реки под березой, когда еще упрямо буду топтать на самую вершину холма, чтобы там раздеть перед ней свою душу. Но этого не случится.

А пока я всего лишь скидываю с себя вещи и закрываю под одеяло. Мне немного неловко, я как будто стесняюсь своего тела, вдруг оно ей не понравится, хотя давно уже пора было перестать. Я укладываю части тела так, как просит Ирэн, и, пока она примеряется камерой, думаю: не слишком ли легко я согласилась, почему мне не 20 лет, почему Ирэн предложила сниматься голой, что если после этого она меня не захочет. Да, смешно, правда? Наша общая знакомая сказала мне: «На что ты рассчитывала? С самого начала было ясно, что Ирэн несгибаемая натуралка». Кажется, так. Но мне это было неочевидно. И в этот момент я стеснялась вообще всего. Особенно того момента, когда фотосессия закончится, и мне придется одеваться. Хотя в любой другой ситуации не стала бы смущаться. Мне потребовалось много лет, чтобы перестать считать себя некрасивой: крупные черты лица,

крупные ладони, они одного размера с ладонями моих друзей, маленькая грудь, невыраженная талия. Впрочем, в китайском платье традиционного покроя смотрю гармонично и вполне себе нравлюсь.

Сейчас вспомнилось, что, по сути, распахивая, изголодавшиеся по человеческому теплу, свою душу, мы мало чем отличаемся от тех странных типов, распахивающих в парках кожаные плащи на голое тело. Ты как раз рассказываешь мне о таком эпизоде из жизни, пока мы ждем троллейбус до парка. Вот ты идешь ранним утром или поздним вечером по обезлюдевшему парку, и встреченный тобой на узкой тропинке мужчина распахивает пальто и спрашивает: «Интересует?». Ты отвечаешь: нет. И я думаю: ну чем я не он?

Потом наш разговор по той самой тропинке выходит на алкоголь, и ты сообщаешь, что даже под легким градусом у тебя сносит крышу, и ты становишься согласна на все. Ценная и своевременная информация. Но вряд ли она мне пригодится. Я не стану напаивать Ирэн ради того, что-

бы она в итоге отдалась алкоголю, а не мне. Я успела оценить и обдумать это еще до того, как транспорт распахнул свое душно-нутро перед нами.

Тем же вечером мы втроем с мужем Ирэн курили кальян, пили сидр и играли в монополию. У меня разболелся живот, и это был полнейший провал. Нет ничего хуже затеять вечеринку и разболеться на ней, глядя, как жизнерадостны остальные участники, а ты ощущаешь лишь собственное бессилие.

Утром я наивно отправилась штурмовать ворота Ирэн. Небо плыло над головой прозрачным леденцом. Я решила зайти сначала за йогуртом. Помня, что любимый вкус Ирэн – это клубника и манго, взяла оба. Ее коллега приносил ей такие (этот факт, как и любимый вкус я узнала из чата). И вовсе не потому, что хотела быть на него похожей и этим вызвать дополнительную симпатию. Просто в отличие от наших мам, мне несложно запомнить, кто что предпочитает из еды, и несложно соблюдать эти предпочтения.

Итак, затарившись йогуртом, я иду вразнос и набираю своих любимых помидоров, еще что-то

к чаю и 2 ведра самого вкусного мороженого. Я помню, как мы с Ирэн опустошили такое в первое утро, на двоих из одного ведра, вы помните мою брезгливость, но это тоже был такой интимный жест – есть из одной банки в постели с человеком, которого видишь впервые – что я не смогла отказать и теперь счастливая, как дурочка, шагаю к подъезду Ирэн, а в рюкзаке ритмично потряхиваются разные вкусности, и мороженое холодит поясницу.

Плюхаюсь на скамейку во дворе. Рядом в траве возится с машинкой пацаненок. Его мечтательная улыбка, обращенная на огромную зефирную тучу – точная копия моей. Мы с ним на одной волне. У меня тоже куча планов и ожиданий на сегодня. Например, как мы сейчас классно позавтракаем. Вдвоем. Я ничего не ела, как встала, слишком торопилась встретиться снова. Да и вчера было слишком поздно идти за едой, когда такси высадило меня у двери хостела, а печенье, которое я припасла в общем холодильнике накануне, кто-то самым бессовестным образом сожрал.

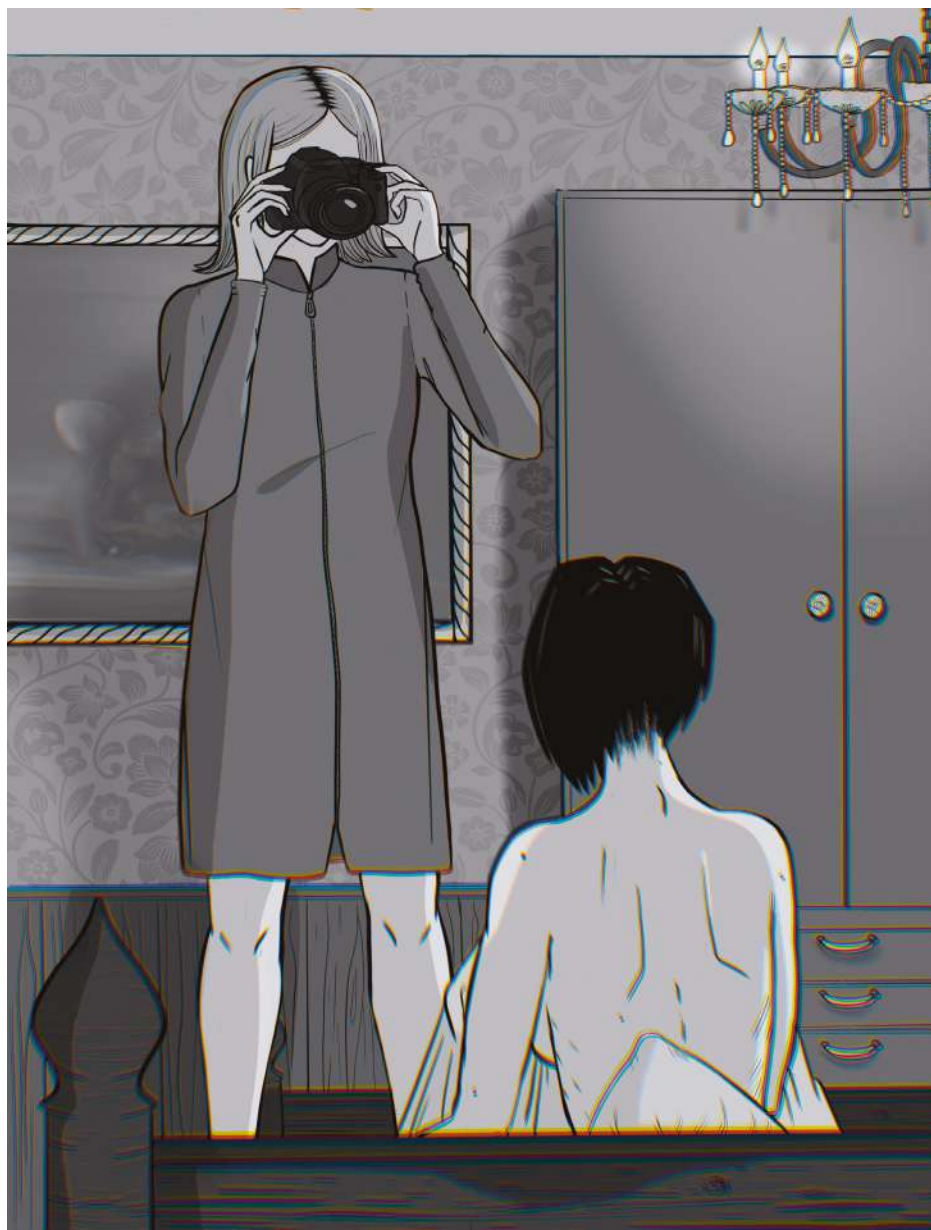
Ирэн не берет трубку. Не отвечает в мессенджере. У нее нет домофона. Дверь в подъезд за-

крыта. Мороженое тает в рюкзаке. Выплывшая из-за крыши туча окончательно накрывает двор, становится прохладно, пацану она уже не кажется прикольной, да и машинка быстро наскучивает, когда вокруг никого, и он уходит. Но я так не могу. У меня билет только на 9 число. А потому я решаюсь на очень дерзкий ход: дожидаясь, когда дверь подъезда откроют, поднимаюсь на нужный этаж и звоню в ее дверь. Все-таки у меня мороженое тает. У меня есть оправдание. Мне открывают почти сразу. Ее муж. Голый по пояс.

Я как-то не рассчитывала, что он останется на ночь, ведь они давно живут отдельно, однако виду не подаю, что я чем-то удивлена или расстроена, хотя было чем. Я нацепляю на себя физиономию компанейской девушки, я научилась это делать, и маска мне уже почти не жмет. Завариваю себе кофе. Ее муж помогает. Сажусь наворачивать приготовленный мною же салат. Я голодная, черт подери. В общем, хозяйничаю как у себя дома, хотя сама я не у себя и вообще я – это уже не я. Йогурт остается нетронут, мороженое уплетает муж, все летит к чертовой матери. Мы весь

день сидим дома, смотрим сериалы, муж Ирэн, не стесняясь меня, трогает ее ноги, красивые, кстати, а я смущенно отвожу взгляд,

и мне тошно. Я не понимаю, что я тут делаю, и почему мне приходится чувствовать себя так, будто я от них что-то скрываю.

А что Ирэн? У нее приступ. Муж считает, что из-за выпитого вчера сидра, Ирэн – что из-за длительной прогулки вдоль реки. В любом случае всему этому причиной являюсь я, и я наказана, не иначе. Наказана за желание быть рядом. Наказана самим этим желанием.

Муж Ирэн как будто вознамерился продемонстрировать, что жена – это его собственность. Передо мной? Зачем? Не украду же я ее, правда? Ему ведь нечего опасаться.

Домой (то есть обратно в номер) я бреду медленно, ежась от холода и едва сдерживая слезы. Не знаю, стоит ли возвращаться завтра. Но я вернусь. Как преступник на место преступления. Ведь я чувствую себя виноватой в этом приступе нервной болезни, последствий которого я не знаю, и мне страшно. Хотя я и делаю вид, что все ок. Мне грустно, страшно и одиноко.

По ночам в комнате нет ни единого источника света, кроме гаснущей после полуночи желтой полоски вдоль дверного проема. Я как в пещере. Или на самом дне колодца. Или в черном ящике. Я просыпаюсь от того, что мне кажется, будто надо мной кто-то стоит у кровати. По ночам дует

ветер, и незакрепленный кусок жести скребет стену. Первые несколько ночей я не понимаю, откуда этот звук, напоминающий саундтрек в триллере. А ведь я боюсь спать одна. Да, это смешно в 36-то лет. Мне все еще нужно, чтобы меня кто-то обнимал.

В последнюю ночь перед отъездом мне снится, что этот невидимый кто-то зашел дальше и сел у меня в ногах. Я просыпаюсь, резко сажусь, ни черта не вижу и на ощупь пытаюсь определить, кто здесь. Я не кричу. Мне даже в голову такое не приходит. Пытаюсь нащупать выключатель бра справа от головы. Щелкает кнопка, но свет не включается. Перегорела лампочка? Тянусь к тому, что слева, но там нет торшера. Я не могу его нащупать. Меня захлестывает паника, и я просыпаюсь. В этот раз действительно. Включаю торшер.

Утром я застала то время, когда большинство жильцов съехали, а администраторша куда-то ушла, оставив целый хостел в моем распоряжении. Воспользовавшись такой возможностью, я осмотрела другие комнаты. Одноместные номера с окнами либо не включали в себя санузел, либо выходили окнами на живо-

писную помойку. Впрочем, и самый роскошный номер смотрел на дорогу и на пустырь. Напротив окна общей гостиной располагался соседний дом с плакатом на первом этаже: «Школа тату». Я долго смотрела на него, попивая чай по утрам, со все большей уверенностью, что это знак.

Как-то раз в очередном припадке поиска смысла или обсуждения детских травм с Ирэн обмолвились, что неплохо бы сделать тату будто мы андроиды с одного завода. Что-нибудь типа цифрового кода или штрихкода, чтобы еще больше подчеркнуть свою «вещность» и нашу «похожесть».

Позже я напомнила Ирэн о нашем намерении, но еще до отъезда по мессенджеру получила что-то типа «ой, нет, я боюсь иголок и боли». Меня царапнуло тогда, как красная лампочка «alarm» загорелась, как будто меня уже заочно отвергли. Стоило задуматься, что означает нежелание сотворить вместе что-то безумное.

Может, это и стало причиной моей неуверенности.

Наступили трудовые будни, и я отправилась гулять по городу в одиночку, строя планы на вечер. Однако вскоре они рухнули

после сообщения, мол, все болит, ничего не проходит, сегодня увидеться не смогу. Я вяло поинтересовалась, привезти ли ей лекарств на работу, но подобного героизма не потребовалось. Поехала бы я, если бы получила положительный ответ? Конечно. Ведь мы обе знаем, что я сорвусь хоть пешком на Луну, если это потребуется. Но не потребовалось. Не в этот раз. Так что я отправилась щелкать городские виды и набрела на местный «Арбат» на удивление пустынный. Идеально для фото.

И хотя по мощеной улице между двухэтажных домов появлялись одинокие силуэты или парочки, все они, как казалось, растворялись в ином измерении, в иллюзорной ряби холодного воздуха. Мне тоже захотелось в нем раствориться. По пути мое внимание цепанула улыбающаяся физиономия Джокера. «Тату-салон» было написано ниже. И я поняла – это намек. Нет, приглашение. Нет, команда к действию!

Так что я уже внутри, в прохладном подвале с психоделическими картинками из комиксов на стенах, с вычурной медной ручкой на двери в сортир. Сижу на диване, стесняюсь, бородач по

имени Саша весь в татухах рихтует выбранный мной рисунок на планшете. Символ «путь к просветлению». Куда символичнее. Пора уже прозреть, Анечка!

Вскоре я уже лежу на кушетке, лицезрю пару девушек, тоже пришедших за рисунком на теле. По моей левой ноге водят непонятым агрегатом, похожим на пистолет. Никакого обезбола нет, вопреки моим ожиданиям и видео с YouTube. Ощущение, будто рисунок вырезают ножом. Впрочем, я тот еще мазохист, и со временем мне становится кайфово. От машинки по телу пробегает вибрация, ступня прижата к мягкой и теплой груди дяди Саши. Выхожу с ощущением эйфории. Вот я и сделала нечто запретное, чего боится Ирэн и отчего мама, конечно, будет в шоке.

Большую часть времени я предоставлена себе и городу, но мне ли привыкать к одиночеству? Город красив, в нем есть шарм провинции, которая мне так мила, есть настоящие памятники архитектуры с табличками «Позная» или «Гостиница» на облупившихся деревянных стенах. Некоторые улицы составлены деревянными бараками, и, кажется, я начинаю любить старину. Они напоминают

мне о детстве, проведенном в обнимку с бездомными лишайными собаками, о свободе, так редко достававшейся всеми затюкканному ребенку.

Вот только с каждым утром воздух за бортом становится холоднее и, по всей видимости, красочно иллюстрирует развитие наших отношений с Ирэн. Наступает день экскурсии на Байкал. Я еду одна. Я решила так заранее. Зачем стеснять Ирэн в деньгах, ради того, чтобы она составила мне компанию, если все это уже не единожды видено.

Так что половину дороги, мерно отстуканной колесами по полотну Транссиба, я тихо роняю слезы, сидя в пассажирском кресле так, чтобы никто меня не видел. Нет, я плачу вовсе не из-за того, что соскучилась по Ирэн, как маленький щенок, разлученный с матерью. Фигня. Хотя часто вспоминаю о ней по дороге. Просто от видов природы на меня частенько накатывает.

Так что в какой-то мере я даже рада, что она не видит меня грустной, а я в свое удовольствие могу предаваться целебной меланхолии. Еще с детства я считала показывать свои слезы делом слишком интимным. Чтобы я пе-

рестала реветь, мама доставала фотоаппарат, и я мгновенно натягивала улыбку. Жаль, что теперь этот прием не работает. В школе я несла свои слезы домой. Теперь плачу только за рулем в полном одиночестве. Может, на самом деле я вовсе не готова к близким отношениям с кем-либо?

Было в тот момент еще кое-что плачевное, о чем стоило подумать. Молчать, как раньше, и сохранить дружбу? Или сказать и, скорее всего, попрощаться с нашими лайтовыми веселыми диалогами или взрывами смеха просто от соприкосновения взглядов. Как-то раз в переписке, ушедшей в подвал комментариев к очередному посту, Ирэн классно выразилась, что наше с ней радио замкнул оголенный провод, и мы поймали общую волну. Звучит красиво. Я не стала душнить и поправлять.

Так все-таки честность или дружба? Или еще так: любовь или дружба? Однако дело в том, что выбора здесь никакого нет. Все мои близкие отношения основаны на дружбе, а дружбы без честности я не представляю. С другой стороны, величина близости прямо пропорциональна количеству того личного, которое я готова

открыть человеку. Одно время у меня была идея, что нужно вообще ничего не скрывать ни от кого, выложить все свои внутренности на обозрение, и тогда ты станешь абсолютно прозрачной, а значит, неуязвимой. Ведь уличить тебя будет больше не в чем. Ведь именно секреты делают нас зависимыми. К сожалению, теория осталась неподтвержденной.

Я долго присматривалась и прислушивалась к своим ощущениям, чтобы определить наверняка, не ошибиться, не сунуться на маленький островок снега, чтобы потом под тобой внезапно не перевернулась льдина, все это время скрывавшаяся под прозрачной водой. Чтобы не накрыло цунами из ледяного жгучего раскаяния. А по итогу раз за разом я, как всегда, просто жду, когда человек совершит тот поступок, который можно принять за однозначное «да».

Вот Ирэн снимает с моих волос сухой листок, принесенный ветром. Вот она нежно и неуверенно прижимается ко мне при прощании до завтра. А вот она держит ладонь на обнаженном бедре, почти у промежности, когда, закинув ноги на спинку дивана, смотрит сериал в корот-

ких домашних шортах. А я теряюсь в догадках, что означает этот жест, и как мне стоит к нему относиться. И что я чувствую в этот момент, неловко отводя взгляд. И прихожу к неутешительному выводу, взвешивая все за и против в комнате без окон, в крошечной тьме, заполнившей хостел, затекшей в раскрытые в храпе рты постояльцев.

Да, я до сих пор противна сама себе, потому что позволяю себе думать о таком. Потому что мысли не приколотить гвоздями и не прихлопнешь тапкой, как тараканов, испуганных резким светом.

В свое жалкое оправдание могу сказать только вот что: мне хочется увидеть человека настоящим, без повседневной маски, без ролей и ярлыков, беззащитным, принимающим, безоружным. Неважно, какого пола он будет. Я хочу узнать о нем все, а что может быть информативнее, чем поведение во время секса? И я хочу ощущать власть над ним. Именно я хочу доводить партнера до оргазма и видеть его в этот момент, впитывать его ощущения. Готова ли я показать себя так же? Большой вопрос. Наверно, потому я и не люблю

ведомых ролей.

В вязкой темноте мне нетрудно представить Ирэн в собственной власти.

Когда я училась в школе, бабушка сунула мне почитать какую-то советскую брошюрку о влиянии онанизма на нервные расстройства подростков. Однако в те времена под «нервными расстройствами» я понимала такие ситуации, когда случилось что-то из ряда вон, а ты из-за этого перенервничала и расстроилась. Ну а термин «онанизм» мне вообще оказался незнаком.

Подруга как-то раз показывала мне свои упражнения в ванной с душем, но как-то не впечатлило. Так что брошюра вскоре начала вызывать неконтролируемую зевоту, а потом и вовсе заросла пылью на полке. В общем, с онанизмом у меня не срослось.

Когда мой первый парень во время постельных упражнений поинтересовался, как именно мне нравится себя трогать, я удивилась. Ну вообще-то, никак. Понятия не имею. Настала его очередь удивляться, и я получила от него домашнее задание: обязательно потренироваться и рассказать. Скучнее занятия выдумать невозможно – вот каким был мой

вывод о первом опыте. Со временем я научилась доставлять себе удовольствие, но менее скучным это не стало.

Как-то мы обсуждали этот вопрос с Ирэн. Она говорит, что ее вполне устраивает такой расклад. Резиновый друг не подкидывает проблем. «А как же элемент игры?» – разочарованно спрашиваю я. «Какой игры?» – спрашивает Ирэн и поворачивается ко мне лицом. Я вижу желтый сегмент в ее глазу и, кажется, искреннее недоумение во взгляде.

Сегодня на ресепшене встречается та же администраторша, что и в день заселения. Сегодня плохо помогает холодный душ, и я лежу, глядя в потолок, а в уши потихоньку проникает ее, администраторши, голос из-за стенки, что-то надрывно причитающий, гневно восклицающий, в общем, эмоционально треплющийся по телефону.

Сначала все выглядит, как типичный конфликт, пересказываемый обиженной женщиной соей подруге – ничего сверхнового и интересного. Пока в рассказ, который поневоле приходится слушать ввиду тонких стен, не вплетаются подробности типа: мы с ней общее имущество на-

жили, как теперь машину будем делить? Или: я ей говорила сразу, если остынешь, давай разойдемся по-человечески. И вот через некоторое время и несколько повторов, допускаемых расстроенной рассказчицей, я могу восстановить картину: наша администраторша живет с некой женщиной, которая ее абьюзит, бьет, капризничает и ведет себя по-хамски. И, видимо, наша героиня, до того все прощавшая из-за неземной любви, после побоев прозрела и возвращаться к прежним отношениям не хочет. Все, как у всех, не лучше, не хуже – думаю я, засыпая под затихающие всхлипы.

Утром мы сталкиваемся на кухне. Она выглядит несколько не расстроенной и даже посвежевшей, насколько это возможно при избыточном весе и обвисшей коже в области декольте, и я думаю, как ее мог кто-то любить? Я до паники боюсь старости. Хотя на вид этой женщине всего-то в районе пятидесяти.

Она заводит разговор о погоде, о том, что пришла вечером уже в пуховике, а сегодня за окном даже снег пролетал, но теперь вроде налаживается. И еще что-то вещает о сыне, о муже, о каких-то бытовых банальностях, но

я уже не слышу, переводя очумелый взгляд с ее голубых глаз на кусочек голубого неба, залитого солнцем без единого облачка. Не могу понять, где настоящая реальность? Ее муж вымышленный? Они развелись? Не может же человек вот так натурально кого-то разыгрывать, рыдая в трубку и рассказывая свою лесби-драму? Или может? Или мне все приснилось?

Еще плохо соображая, вливаю в себя чай и бегу. Сегодня у меня встреча с Байкалом.

Мы неспешно бредем по Листвянке вдоль берега, удивительно напоминающего Сочи: та же крупная галька, те же темно-синие волны. Погреться снова в кофейне – отличная идея! Пенка на моем капучино похожа на сердечко, смотри! Ты говоришь, она похожа на задницу. Мы смеемся, сами не зная, о чем. Кажется, нам срочно нужно в туалет после всего выпитого. И домой. А то холодно. Вот только билеты куплены, а рейсов не так уж много. По пути к общественной уборной мы проходим ЗАГС, и ты шуточно предлагаешь: пошли поженимся, времени хватит!

Ай, Ирэн! Кажется, тебе нравит-

ся меня дразнить. А мне нравится, как ты меня дразнишь. Я до сих пор мало рассказала об этом. Например, как, садясь в маршрутку до Листвянки, ты показала мне упаковку голубых капсул и сказала в случае приступа вложить одну тебе в рот. А я спросила: «Поцелуем?», а ты ответила: «Можно и поцелуем, лишь бы пошло». Или как ты еще в первый же день обещала на прощание устроить перформанс в аэропорту: шлепнуть меня по заднице со словами «я буду скучать по тебе, бейба!» и на глазах ошеломленной толпы засосаться.

Но пора уезжать. Я честно ждала до последнего, что ты так и сделаешь. Глупо, да?

По дороге из Листвянки я поинтересовалась у Ирэн, что говорит обо мне ее муж. Говорит, я странная и смотрю на нее влюбленными глазами. Ну что же, чутье его не подвело хотя бы в этот раз.

Я долго думала, как все-таки сказать тебе, и подобрала наиболее подходящие слова. Все же, искать слова – моя страсть.

Я сгораю, когда ты рядом.

А отчего – подставь то, что тебе

больше нравится.

Эпилог

Такое случается. Это нормально. Никто же не умер.

Утром мы сделали вид, что вчера ничего не случилось, что не было фразы «я стораю, когда ты рядом», вылетевшей, как канарейка из клетки. Легче, чем я предполагала. Что не было и другой, брошенной как бы невзначай: «я не знаю, как на это реагировать». Только паузы в наших разговорах увеличились.

Ты никогда не была в аэропорту, но видела его во сне. Приезжай теперь ты, где садиться на самолет, знаешь.

При взлете трясло и швыряло, и я уже приготовилась разбиться в городе Ветров, как я его окрестила, со слезами и счастливой улыбкой на лице.

Каждая история, прочитанная по пути, заставляла расплакаться, ведь в них были отголоски случившегося. Кружилась голова, и приходилось постоянно сглатывать, чтобы отчетливее слышать шум мотора.

Подали кофе с сахаром и батончик. «Ноль процентов сахара», – прочитала я на упаковке и подумала, как это глупо. Стораю, даже

когда тебя нет рядом. На экране выстроились буквы: обязательно слетай куда-нибудь, хотя бы раз в жизни.

P. S. «Займитесь счастьем» – ультимативно рекомендовал журнал S7, глядящий из кармана напротив.

Катерина Мухина

СЛЕДУЮЩИЙ МЕСЯЦ ПОСЛЕ АВГУСТА

Февраль

— Давай поцелуемся.

Уля сглотнула нервно затрепывавшееся сердце:

— Что?

Женя засмеялась и выпила залпом остатки красного в бокале.

— Ты меня слышала, — она посмотрела на Улю долгим взглядом, собираясь закатить глаза, но всё-таки уточнила, — давай поцелуемся. У меня в последнее время тиктоки перестали залетать, маловато просмотров, а тут тренд появился, где девочки целуются. Поэтому давай, ты же моя подруга, помоги мне снова стать популярной.

Уля уже привыкла становиться для Жениных тиктоков то видеоператором, то визажистом, то стилистом, то «кинь в меня платье, я потом сделаю склейку и по переходу в песне превращусь из домашней девочки в роковую королеву выпускного».

Она ещё ни с кем не общалась

так много и часто, начиная день с сонного голоса Жени в аудиосообщениях и заканчивая им же — вытараторив новую идею для тиктока, Женя отложит телефон и сразу же заснёт, чтобы завтра опять бомбардировать Улю потоками пятиминутных голосовых.

Самое странное — что обычно Уле хотелось отстраниться после нескольких дней постоянного общения с кем-то из друзей, уползти обратно в раковинку, восстановиться и только потом отвечать на сообщения. А с Женей было не так. С ней, наоборот, хотелось общаться ещё больше, разговаривать и разговаривать, пересказывать все сны по утрам, жаловаться, когда мать совсем достанет, и делиться чем-то настолько сокровенным, в чём даже самой себе признаться сложно. И это было проблемой, потому что Уле совершенно точно казалось, что Жене и без неё нормально. С ней, конечно, неплохо, но есть и другие подружки, кому мож-

но наговорить многоминутные голосовые. Уля почти научилась стопорить себя, когда хочется отправить Жене очередной мем или тикток с котиком, мысленно зубрила фразу «прекрати, она подумает, что ты навязчивая, и перестанет с тобой общаться», но слова теряли смысл от многократного повторения, и Уля сдавалась, когда мем попадался особенно смешной.

— Ну так? — Женя ждала ответа, взгляд медовых глаз обволакивал, замедлял, мешал сопротивляться. Чтобы вернуться в реальность, Уля задумалась, какой именно в них мёд, но из тёмных сортов вспоминался только гречишный, липовый был слишком светлым, почти прозрачным.

— У тебя же помада красная.

— Она должна быть стойкой, вот и посмотрим, смажется ли.

— Тогда ладно.

— Я пойду свет поставлю.

Женя радостно подскочила с дивана, заходила по комнате, придирчиво выискивая подходящее место. Бормотала под нос: здесь пятно на обоях, здесь кресло мешает, здесь занавеска будет в кадре, а если вот тут, так, свет поставить, телефон на штатив, ага, ага.

Уля совсем не хотела, чтобы их первый поцелуй произошёл так — под камерой, с показной страстью и последующим залетанием в рекомендации тиктока, где в комментариях обязательно объявятся гоблины двух видов: «какие киски!!!» и «фу, лучше бы парней себе нашли, извращенки».

В идеальном мире это выглядело бы так: розовое шампанское (пузырьки щекочут нёбо), приглушённый свет из жёлтых икеевских ламп (притворяющихся винтажными), на фоне — романтическая комедия (что-нибудь из фильмографии Джона Хьюза, «Клуб “Завтрак”» или «Шестнадцать свечей»), и Женя сама вдруг тянется, нежно берёт Улю за подбородок, и они целуются — долго, медленно и сладко-пресладко. По канонам ромкомов дальше следовал бы секс, но Уля не очень представляла — а как? Должна ли она попробовать сделать кунilingус? А если у неё не получится? Что делать, если Женя не кончит? Можно ли протащить в их воображаемую постель вакуумный вибратор? А в реальном мире Женя закрепила телефон, пощёлкала яркостью светового кольца и сказала:

— Ну садись.

— Куда?

— Можешь, конечно, на меня, но тикток забанит, это нам на другой видеопортал надо.

Уля хихикнула, но вместо смешка получился жалобный писк котёнка, которому случайно наступили на хвост. Разобраться, шутка или флирт – Женины слова, времени не было.

— Так неудобно будет, сейчас, подожди, — Женя подкрутила штатив и плюхнулась на пол. — Иди сюда.

Уля осторожно опустилась рядом, поджав под себя колени, которые сразу же начали жаловаться на твёрдый паркет. Она старалась не смотреть, как Женя усаживается поудобнее, сложив ноги по-турецки, но всё равно успела заметить бордовые трусы из полупрозрачной ткани. Как мерзкий мужик в метро летом, фу, прекрати, одёрнула себя Уля. Спросила:

— Ну и что мне делать?

— Тебе нужно приблизить лицо к моему, чтобы мы касались носами, но пока не губами, а дальше... Ай, ладно, сейчас по ходу разберёшься, просто подыграй.

Уля не считала дубли, зато точно знала, сколько раз их языки

коснулись друг друга — семь. Она потянулась за восьмым, но Женя уже отвернулась и рассматривала не Улины губы, а видео в галерее.

— Так, ну, кажется, из этого я смогу что-нибудь смонтировать, музыку наложу, будет вообще красота.

— Пришлешь потом, что получилось?

— Угу.

Женя даже не подняла глаз, будто бы и не было получаса поцелуев, от которых они отвлекались, только чтобы нажать на красную кнопку записи. Уля нехотя поднялась, зашла на кухню, выпила воды прямо из-под крана, посчитав, что терять уже нечего, потом остановилась перед зеркалом в коридоре. Всю жизнь она не понимала, почему пишут «в её глазах плясали искорки», пока не увидела их у себя. Фак, прошептала она своему отражению, это точно не закончится ничем хорошим. Отражение не помогло, только краснело щеками и губами.

— Всё-таки смазалась.

— Что? — Женя наконец оторвалась от телефона.

— Помада твоя стойкая.

— А.

Наблюдать, как Женя мизинцем

поправляет помаду, глядясь во фронталку, было слишком приятно. Уля отвернулась и постаралась сконцентрироваться на узоре обоев, который охотно поплыл, закручивая маленькие розочки в многомерном вальсе.

— Ну, раз я тебе больше не нужна, я пойду?

Уходить не хотелось, но ещё меньше хотелось быть с Женей и ждать, пока она сама не скажет безразлично: ты иди, мне ещё монтировать и всё такое. Быть выгнанной или выгнаться самой — выбор был очевиден.

— Да, давай.

Женя не посмотрела вслед, не поднялась закрыть дверь и не потянулась обнять на прощание. Уля медленно шла к выходу, всё ещё на что-то надеясь и ругая себя за эту глупую надежду, и только на пороге комнаты её догнал Женин голос.

— Уль, — посмотрела медовыми глазами в давно переслащенную Улину душу и улыбнулась уголком губ, — спасибо тебе.

Уле и не нужно было больше, чтобы грудная клетка засияла изнутри, тепло облизывая рёбра.

Своя квартира показалась пустой и пыльной, из шкафа вылез

Ростик, и Уля нежно шикнула:

— Опять на свитерах валялся, рыжий ты увалень, куплю щётку, будешь сам шерстяные следы преступления убирать.

Тот довольно замурчал, сощурил жёлтые глаза и уселся посреди коридора в ожидании, когда Уля сядет и можно будет оккупировать колени.

— Что ты глядишь, сейчас-сейчас, только пришла, не видишь? Налью я тебе воды и еду насыплю, не надо меня глазами прожигать.

Ростик путался под ногами, Уля разрешила новый пакет корма и одновременно пыталась отправить сообщение Полине, которая случайно стала её главной консультанткой по вопросам чувств к Жене.

Мы поцеловались

Почти сразу появилась зелёная точка возле Полининой аватарки.

ну рассказывай

Уля заходила по квартире, выговаривая в аудиосообщение весь шквал эмоций, который захлестнул её сегодня. Когда голосовое выросло до пяти минут, она хлопнула себя по щекам, удалила и вместо него написала:

Да и рассказывать нечего, ей

для тиктока было нужно, вот и всё, это ничего не значило уверена?

Не знаю, мне проще думать так, ненавижу надеяться впустую

я всегда рядом, помни

Спасибо, а ты-то ещё долго в своей Москве будешь?

если и приеду, то уже весной, денег нет вообще

Уля отправила грустный стикер с котиком, который плачет и обнимает сам себя. Полина в ответ прислала смайлик сжато кулачка, мол, держись. Уля старалась держаться, но теперь к чувствам, которые и так почти вырывались наружу в виде то ли слёз, то ли смеха, то ли нервного кашля, добавилась тоска по Полине, переехавшей в Москву по учёбе, но как будто бы навсегда. Из близких подруг, кого можно обнять, когда становится совсем тяжко, осталась только Женя, про которую Уля теперь не знала — они всё ещё подруги или что-то другое.

Ростик жалобно помявкивал у миски.

— Ты считаешь, раз съел весь корм в центре и теперь дно видно, то всё, еды больше нет?

Уля вздохнула и позвенела кошачьими хрустяшками в миске,

чтобы они снова легли ровным слоем. Ростик довольно сощурился.

— Ты ж моя глупая умница, пойдём в комнату.

Она подложила под голову подушку и улеглась на кровать, чтобы до сна ещё пару часиков позависать в телефоне — глупые тиктоки, непонятные срачи в твиттере и бессмысленные сторис в инстаграме. Если контент заканчивался раньше, чем её начинало клонить ко сну, приходилось выискивать на ютьюбе отрывки из стендапов, лучше женских, чтобы не нарваться на сексистские шуточки и не испортить предсонное время клочущим внутри раздражением. Ростик обошёл кровать по периметру, потоптался около Улиных ног и свернулся мурчащим горячим клубочком. Пришло новое сообщение от Жени:

СМОТРИ, ЧТО Я НАМОНТИРОВАЛА

И когда ты перестанешь писать этим своим дурацким капслоком?

КАК ХОЧУ ТАК И ПИШУ, ЛУЧШЕ ВИДЕО ЗАЦЕНИ, СЕКСИ ЖЕ?

Да, неплохо

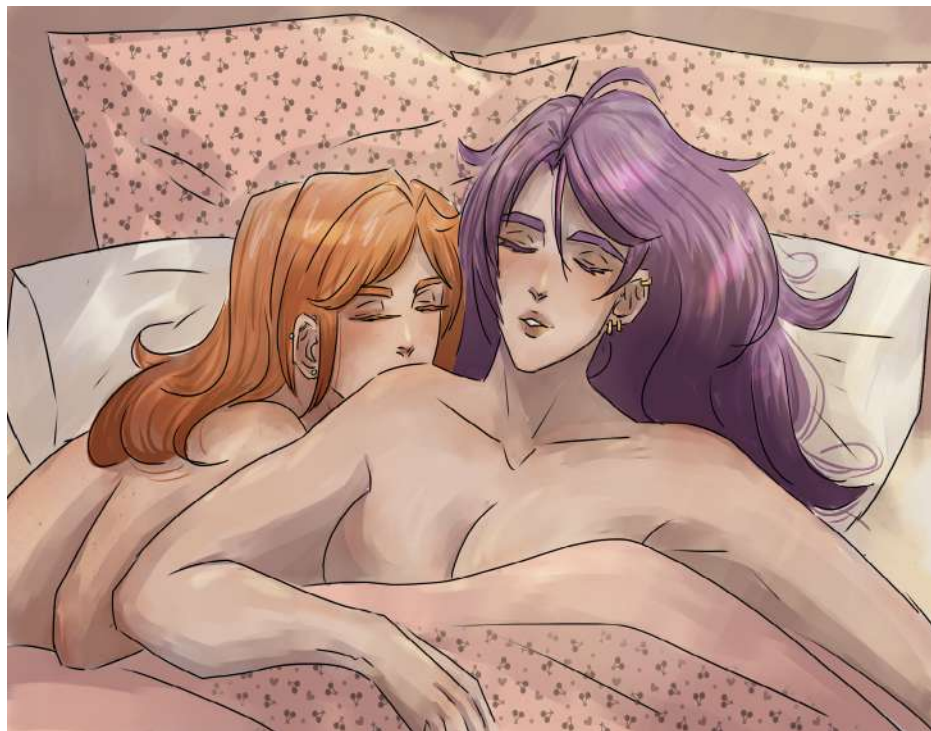
Видео Уля открыла в последнюю очередь, предчувствуя, что там не просто неплохо. И ока-

залась права — в груди нежно заньло, когда она увидела, как же красиво они смотрят друг на друга влюблёнными взглядами, а потом страстно целуются, и Же нина помада оставляет следы на Улиных губах, и руками они касаются как давние любовницы, и звучит ремикс Кэти Перри с её kiss me, k-kiss me. Уля закусила губу, всё ещё не сдаваясь желанию, но пальцы сами тянулись всё ниже по телу, и, в конце концов, она аккуратно переложила Ростика на кресло, достала из ящичка вакуумник

и взлетела к облакам блаженства, единственный недостаток которых был только в том, что Же ния не рядом, не целует каждую родинку, не проводит языком по ключицам и не улыбается хитро-хитро, меняя мощность перед самым оргазмом.

Май

Уле казалось, что все на неё смотрят. Ветер, неожиданно холодный для месяца джинсовок, будто бы издевался, раскачивая в Улиных руках пустую переноску и привлекая к ней дополнительное

внимание. Некоторые прохожие глядели с сочувствием, но большинство было готово обвинять: не убергла, животное — это большая ответственность, а надо было к ветеринару чаще ходить, позаводят питомцев и страдают потом.

Из последних сил Уля доплелась до дома, чтобы разрыдаться ещё до того, как закроет входную дверь. Она даже не представляла, что в ней есть такой запас слёз. Кое-как добралась до ванной, плеснула на опухшее красное лицо холодной водой, вытерла полотенцем и разревелась ещё больше, когда рыжая шерстинка попала в глаз и затерялась среди ресниц так, что сразу и не вытщишь.

Сквозь слёзный туман Уля понимала, что позвонить она может только Жене — плевать, что та может и не приехать, плевать, что их отношения изменились, хотя они обе не желают этого признавать, плевать, что она не хочет быть слабой при Жене, потому что та потом применит это против неё. На третьем гудке Женья ответила и приказала держаться и ждать её в течение получаса.

Уля много всего запланировала:

вымыть миски и лоток, найти приют, куда можно сдать остатки корма и наполнителя, задвинуть в самый дальний угол переноску и зайти на авито в поисках ищущих дом котят. Но всё, на что она была способна, — помыть голову, побрить подмышки, поцарапав нежную кожу в двух местах, и надеть шерстяное платье, которое можно было бы выдать за домашнее. Теперь Уля ненавидела себя ещё и за глупую надежду на что-то, чем явно не стоит заниматься, когда выплакала все глаза из-за самого любимого существа в мире.

Взвизгнул звонок, сразу же лязгнула входная дверь, и ворвалась Женья, отряхиваясь, как мокрая собачонка.

— Уф, там прям ливануло, мне только из такси до парадной добежать, но всё равно промокла. Ты чего дверь не запираешь?

Последние сдерживающие механизмы отказали, и Уля сползла по стенке, пряча глухие рыдания в ладонях. Женья сразу же подскочила, обняла, зашептала что-то успокаивающее и была с ней, пока Уля наконец не поднялась, цепляясь руками за Женю, и не произнесла заикающимся голосом:

— Выпить хочешь?

— А я с собой принесла, — Женя метнулась к подмокнутому шоперу и продемонстрировала две бутылки, — вот ром и вот кола, сейчас смешаем и будем мягко пьянеть, пока тебя не отпустит.

— Но я же сейчас не пью... — Уля начала говорить и осеклась, понимая, что Женя не примет возражений — уже умчалась на кухню в поисках бокалов.

Чувствуя себя бессильной и бесполезной, она доплелась до комнаты и бухнулась на диван. Плед был весь в шерсти и всё ещё пах Ростиком — каким-то меховым, чуть затхлым и сладковатым ароматом, ради которого Уля иногда утыкалась носом в кошачий затылочек, чтобы успокоиться, что бы ни происходило вокруг. Запах, который раньше был таким близким и родным, сейчас превратился во врага, жаждущего Улиных слёз, но снова плакать она уже не могла или не хотела, поэтому сжала зубы, прикусывая изнутри щёки.

Женя пришла незаметно — только звякнули бокалы, поставленные на стол, и Улю окутало пряным облаком духов с неуловимой ноткой чего-то индийского,

она заворочалась, устраиваясь поудобнее в гнёздышке из Жениных объятий. Заговорили несколько, а может быть, всего через пару секунд. Уля отчаянно теряла ощущение времени, только где-то под ребром саднило понимание, что всё это — не навсегда, Женя уйдёт и оставит её наедине с болью, землетрясением разворотившей грудную клетку.

— Будешь нового заводить?

— Пока не знаю, я ещё не до конца осознала, кажется.

— Хочешь, вместе сейчас посмотрим странички приютов?

— Единственное, чего я сейчас хочу, — чтобы мы так лежали ещё долго и ты не уходила.

— Я не уйду, обещаю.

Обе понимали, что это было маленькой ложью — конечно, уйдёт, если не до закрытия метро, то утром, но времени в этой квартире больше не существовало, будто они властью своего союза остановили все часы в доме.

— Ты-то как? — вдруг спохватилась Уля. — А то я тут навалила на тебя проблем, у тебя наверняка и своих предостаточно.

Женя потянулась, выгнув шею как сонная кошка. Ростик точно так же иногда делал, подумалось

Уля, и слёзы опять подступили к глазам.

— У меня нет проблем. То есть, я не считаю всё это проблемами. Да, тикток закрыли, да, мир катится к чёртовой матери, но как будто это где-то на горизонте, а мы здесь, и сами создаём себе своё маленькое хрупкое счастье.

— И ты не боишься, что кто-то его разобьёт?

— Плевать, — Женя пожалла плечами, — склеим осколки или сделаем новое. Нет смысла переживать о том, что ещё не случилось.

— Мне кажется, ещё неделю назад я тоже так думала, но когда личная трагедия накладывается на мировую, когда... — Уля набрала побольше воздуха, чтобы голос не задрожал, — тебе приходится усыпить любимейшего кота, а в новостной ленте то и дело умирают люди, то становится невыносимо.

Женя ничего не ответила, молча притянула Улю, чмокнула в макушку совсем по-матерински и вручила стакан куба либре.

— А как там с Сашей? — Уля думала, что произнести это нейтральным тоном будет намного сложнее, но после слов о случив-

шемся с Ростиком любая боль казалась царапиной от бритвы по сравнению со сломанной рукой.

— Всё хорошо, — Женя зевнула, — наверно, скоро предложит встречаться.

— Он тебе нравится?

— Ревнуешь?

Уля хотела вывалить все свои мысли по поводу того, что с февраля они регулярно напиваются и целуются, наутро делая вид, что ничего такого не случилось, а появление Саши перечеркнёт их недосекс по недодружбе. Она бы точно решилась спросить напрямую о том, что между ними происходит, но подавилась куба либре, закашлялась и просто помотала головой.

— А жаль, — Женя скорчила обиженную мордашку.

— Что?

— Что слышала. Тебе смешать ещё рома с колой?

— Да нет, как-то мне от алкоголя вообще не легче.

Женя ответила не сразу: задумчиво повертела кольцо со змеёй на среднем пальце, потянувшись за стаканом и поставила обратно после маленького глотка.

— Есть у меня идея, от чего тебе может стать легче.

В фильмах такая фраза обыч-

но звучит перед чем-то сладким и запретным, Уля никогда не верила в то, что кино может быть похожим на реальную жизнь, но Женя уже целовала её и нежно укладывала на кровать, поэтому проще было не считать всё происходящее слишком кинематографичным, а отдаться на волю момента — и на движения Жениного языка, конечно же.

В утренней полудрёме Уля подумала, что ей, наверно, приснилось. Не могли же они действительно заняться сексом, да ещё и таким классным, которым первый секс двух неопытных девушек по определению быть не может. Но она всё-таки открыла глаза, перевернулась и сонно положила голову на Женино плечо, уткнувшись в ключицу, от которой всё ещё пахло теми пряными духами, наверняка купленными в индийском магазинчике где-то у метро.

— О, проснулась.

Уля решила не отвечать — вдруг эта сказка разрушится, стоит только героине произнести хоть слово.

— Мне нужно будет скоро поехать, сейчас позавтракаем, и я пойду.

Она прикрыла глаза. Слышалось, как Женя что-то печатает в телефоне, мягкими ударами подушечек пальцев набирая текст, как внутри грудной клетки, где-то далеко, будто в другом конце большой пещеры, бьётся её сердце, как она дышит — быстрый вдох и долгий постепенный выдох.

— Мне Саша предлагает стать его девушкой, боже, какой высокопарный мальчик.

Молчание не помогло удержать сказку.

— Ты согласишься?

— Уже.

Уля приподнялась на локти, пытаясь поймать Женин взгляд, но та смотрела только в телефон.

— А как же мы?

— Ну формально это не измена, до этого мы не обещали друг другу хранить верность, так что он поймёт, когда расскажу.

— Ты не ответила.

Женя принялась быстро печатать.

— Я не про вас, а про нас.

Женя зевнула.

— Для тебя всё это ничего не значило?

— Ну Уль, — Женя сказала это таким тоном, что Уле захотелось то ли заплакать, то ли ударить

её, — ты же сама всё понимаешь. Мы были пьяные, ты была расстроена, я хотела тебя утешить, не надо придавать этому такое большое значение.

— То есть ты занялась со мной сексом в утешение?

— Если хочешь воспринимать это так, то да. Всё, у меня мало времени, поем где-нибудь по дороге.

Уле очень хотелось зажмуриться, но она продолжала смотреть, как Женя вылавливает из разных углов комнаты одежду, дальность полёта которой определялась силой порыва страсти.

Рубашка, залетевшая на кресло. Брюки, наполовину заползшие под диван. Кружевной топ, стекающий со стола, будто бы пытающийся избегнуть компании бокалов с янтарной куба либре на донышках. Трусики в цвет топа запутались в одеяле, Уля легко бы могла дотянуться и подать их Жене, но не стала. Она оделась спиной к Уле, вышла в коридор, натянула кеды, щёлкнула дверью, спустилась по лестнице и ушла с лёгким стуком двери парадной, который Уля то ли выдумала, то ли услышала самым краешком ушей.

Август

Улю разбудило похмелье. Она протопала до кухни, шатаясь и прихрамывая на правую ногу, которую вчера стёрла новыми босоножками на высоких каблучках, с тоской взглянула на пустой графин, поленилась кипятить воду и присосалась к крану. В голове стыдными вспышками мелькала вчерашняя ночь, где Уля сначала просто пила вино с Полиной, а потом они целовались, а потом, кажется, было что-то ещё, но здесь память объявила о своей несостоятельности. Почти разряженный телефон пришлось долго искать по всему дому, чтобы в итоге выудить из кармана джинсовки и вздохнуть с облегчением, что он всё-таки нашёлся.

Прости, но я совершенно не помню, что вчера было, напомни, пожалуйста

Уля нервно напрягала мозг в попытках докопаться до похороненных под несколькими бутылками вина воспоминаний, но всё было тщетно, а Полина так и не ответила. Спать дальше не было смысла, поэтому Уля просто добралась до кровати и легла созерцать потолок, где в сероватую белизну прокралась изгибчи-

вая трещинка. В углу от лёгкого сквозняка подёргивалась паутина, давно разорванная и осиротевшая без хозяина, но всё ещё клейким слоем цеплявшаяся за стену. От вибрации телефона прямо под ухом Уля чуть не подскочила, со второго раза попала в зелёную кнопку и заплетающимся языком ответила:

— Алё.

— Правда не помнишь, что вчера было? Вообще-вообще не помнишь?

Интонация Полины находилась ровно посередине между раздражением и разочарованием.

— Ну я что-то всё-таки помню... — Уля сразу же начала оправдываться, чувствуя себя провинившейся школьницей перед любимой учительницей, заботливой и снисходительной, но вдруг стала строгой и отстранённой.

— Что именно?

— Мы пили, обсуждали твою Москву и мои странные взаимоотношения с Женей.

— Я не про это.

— Полин, скажи прямо, я так не могу, кажется, я сделала что-то очень неприятное для тебя, но я не могу понять что.

— Окей, — Полина глубоко

вздохнула и немного помолчала, — мы напились, и ты решила меня поцеловать, а потом мне пришлось останавливать тебя, чтобы мы не зашли дальше.

— Это я смутно помню. Тебе было некомфортно, что я полезла целоваться? Прости, я была пьяная, надо было тебя спросить сначала.

— Дело не в активном согласии, я бы остановила тебя, если бы хотела. Просто...

Уле казалось, что она сейчас прогрызёт дыру в костяшке среднего пальца, которую всегда покусывала, когда тревожилась.

— Просто что?

— Скажи, о чём ты думала, когда поцеловала меня?

— Не знаю. О чём обычно думают люди в таких случаях? Захотелось, вот и поцеловала.

— Ты знаешь.

— Нет, объясни, пожалуйста.

— Окей, — Полина снова вздохнула, и Уля поняла, что слово «окей» она теперь не сможет воспринимать как нейтральное или приятное. — Ты в этот момент целовала не меня, а образ Жени. Тебе хотелось, чтобы я была ею, но раз она вне зоны твоего доступа, то и я сгожусь. Короче, ты воспринимаешь меня как жилет-

ку, в которую можно потрахать. Ну или пососаться, потому что до секса у нас с тобой вчера бы точно не дошло.

— Это не так.

Костяшка распухла от зарождающихся синяков и закровоточила. Уля просто слизнула кровь и переключилась на соседнюю — безымянного пальца, с которого глумилось кольцо со змеёй. Она хотела бы забыть о том, как однажды целый вечер пролистала все интернет-магазины, чтобы найти то самое, как у Жени.

— Умоляю, не отрицай. Ты это всё прекрасно понимаешь.

— Полин, я не пыталась в тебе найти замену Жени, мы вообще с ней не общались уже пару недель, мемчики иногда друг другу скидывали, вот и всё.

Телефон издал крошечную вибрацию, и Улино сердце подпрыгнуло до самого нёба. Женья.

МНЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО, ТЫ СМОЖЕШЬ ПРИЕХАТЬ?

— И всё?

Голос Полины становился всё более устало-недовольным, а Улю разрывало между желанием оправдаться перед ней и непреодолимым любопытством узнать, что случилось у Жени. Надо было выбирать, но Уля решила, что

любой выбор будет неправильным, поэтому переключила на громкую связь и открыла Женино сообщение.

— Подожди секунду, мне тут нужно...

Уля осеклась, вспомнив, что «покормить Ростика» уже несколько месяцев потеряло статус убедительной отмазки. Полина молчала.

Что случилось?

ПРОСТО ПРИЕЗЖАЙ, УМОЛЯЮ, ТЫ МНЕ ОЧЕНЬ НУЖНА

— Дай угадаю, Женья написала?

— Нет... Ладно, да, да, написала, Полин, я знаю, что я ужасная подруга и что я действительно сейчас делаю выбор в пользу Жени. Я всё ещё влюблена, наверно, и это ужасно, эта чёртова влюблённость делает из меня бесчувственного монстра, заикленного только на одном человеке. Я не знаю, что мне нужно сделать, чтобы ты меня простила.

Объясни, в чём дело

ТЫ НЕ ПРИЕДЕШЬ?

Если не ответишь, что произошло, то нет

— Уль, я очень тебя люблю, но мне нужно время, чтобы перестать на тебя злиться.

Я РАССТАЛАСЬ С САШЕЙ, ВЫПИЛА БУТЫЛКУ ВИНА, И МНЕ

ТАК ГРУСТНО, ЧТО Я БУКВАЛЬНО НЕ МОГУ ВЫЛЕЗТИ ИЗ ВАННЫ

— Я перезвоню тебе, как только смогу, если ты всё ещё захочешь слушать мои глупые оправдания.

Полина усмехнулась, и Уля понадеялась, что в этом смешке была хотя бы нотка возможного прощения.

— Лучше напиши, я в Сапсане буду, там со связью всегда какие-то проблемы.

— Договорились. Я тоже тебя очень люблю и не хочу терять.

Ответом были гудки завершённого вызова. Уля подскочила собирать, ненавидя себя за то,

что никакой вины перед Полиной она не чувствует, только сладостное предвкушение встречи с Женей и тайную злую радость от её расставания.

Скоро буду

Дверь в Женину квартиру была открыта, и Уля решила не звонить, сбросила джинсовку на тумбочку в прихожей и пошла сразу в ванную.

— Ой, ты там голая.

Женя слишком красиво лежала в позе русалки с разбитым сердцем, на бортике ванны стоял бокал с красными подтёками, Уля отвернулась, чтобы она не

заметила, как лицо зарделось мгновенно от этой нежнейшей картины.

— Да что ты там не видела, повернись обратно.

— Где полотенце или халат?

— Прекрати строить из себя приличную девочку, раздевайся и залезай ко мне.

Уля поняла, что именно чувствуют мифологические моряки, услышав песню сирены. И сдалась. Больше не было сил беспокоиться о последствиях и удерживать себя от настолько желанного.

— А ты подготовилась, — Женя хохотнула, заметив на щиколотке свежую царапину от торопливого бритья.

— Заткнись.

Вода в ванне угрожающе плеснула, собираясь перелиться через край. Женя медленно подвинулась, пока Уля уцепилась за её плечи, чтобы не поскользнуться.

— Ты меня позвала, чтобы соблазнить, потому что тебе одиноко из-за расставания?

— Возможно.

Уле хотелось то ли утопить Женю, то ли поцеловать. Дразнились дельфинчики на плитках, будто бы знали всё ещё до того, как Уля вошла в дверь.

— Как же я тебя ненавижу.

— Но пришла ведь.

Вместо ответа Уля набрала в ладони воду и выплеснула на Женю. Та отфыркнулась, протёрла глаза и продолжила:

— Может, я просто осознала, что всё это время мне нужна была только ты, а Саша был ошибкой?

— Я тебе не верю.

— Как хочешь.

Женя приподнялась, схватила Улю за шею и подтянула к себе. Прямо ей в губы Уля выдохнула:

— И что дальше? Я не про сегодня, а про вообще. Про нас.

— Не знаю, посмотрим. Целуй уже.

Уля вырвалась и отодвинулась, чуть не налетев спиной на мерно капающий кран.

— Я серьёзно. Утром ты опять скажешь, что это ничего не значило, выгонишь меня, а через какое-то время всё повторится.

— Улечка, учись жить моментом, — Женя недовольно цокнула языком, потом вдруг смягчилась и добавила: — Не выгоню, обещаю.

Уля выбрала поверить ей.

Кристина Гамбрелли

НАСЛЕДНИЦА ЗЕМЛИ

В далеком будущем отважные астронавты отправились покорять новые планеты. Но сами люди остались такими же, как и встарь. И волнуют их все те же вопросы, что и всегда: как не расставаться с дорогими сердцу, как заработать побольше денег, как, в конце концов, выжить...

Мэдди когда-то была космической пираткой, но теперь она оставила непочетное ремесло и пыталась зарабатывать на жизнь чем-то более достойным. Но у нее не всегда получалось.

Невзирая ни на что, Мэделейн считала себя счастливицей. Ей одинаково нравились как шум космопорта, так и тишина и одиночество корабля. Тем не менее сейчас, проведя несколько месяцев в космосе, она чувствовала себя неловко на земле с естественной гравитацией. То и дело казалось, что пол выгнется или прыгнет под ноги. Мэделейн ходила, расставив руки и колени, как морячка из древних фильмов с Земли. Через неделю эффект

должен был сойти на нет, все-таки Мэделейн родилась и провела детство в невесомости, ее организму действительно казалась естественной скорее обычная земная — или эрзац-земная — гравитация. Но вот только она не собиралась проводить столько времени вне корабля.

Мэделейн прибыла в космопорт для того, чтобы получить работу.

— Вот мы и встретились снова, Безумная Мэдди.

Она склонила голову, как предписывал этикет, резким кивком.

— Senatano.

Он назвал ее старым именем, она его — новым, хотя они оба изменились за те годы, что не виделись. Он заметно поднялся. Она... просто теперь ходила другими путями.

Сели собеседники в приватном кабинете на втором этаже трактирчика «Вечный вопрос». Доступ в эту зону имели только сенаторы, скорее всего, у каждого был личный ключ к индивидуальной вип-комнате. В закутке,

в точности со вкусами Мэдди, играло супер-ретро, но она не обольщалась, что кто-то включил пленку ради нее.

— Суть задания в том, что ты шпаришь на своем старике до Ллевэрии. Я дам тебе в напарники своих людей. Твоя задача — вернуть мне чертежи и, если получится, химикалии. Сволочь очкастая, засевшая там, держит в заложниках... мою собственность. Так вот: верни. Всё.

Звучало это все сомнительно. Сказать прямо, звучало как дерьмо на палочке, но такое в лицо сенатору не скажешь, даже если ты Безумная Мэдди. Так что она выдохнула и досчитала до десяти.

— Есть разница между работой и заданием, *senatano*. Задание — штука разовая, а в работе есть стабильность.

Мэдди не обманывалась мыслью, что ее сочли лучшей. Скорее уж мысль сенатора остановилась на том, что если какая-то занюханная землянка пропадет на пути к Ллевэрии, ее никто не хватится. Мало ли что случается с землянами.

— Я могу просто сказать, что у нас было соглашение. И тогда тебя принудят к тому же Суд, Альянс и Патруль. Готова ты к та-

кому противостоянию?

— Без моей подписи на документе это не больше, чем пустая трата кислорода.

— Уверена? Видишь ли, за меня голосовали люди.

— Или так считается.

Мэдди решительно поднялась, готовая уйти. Пусть и не будучи уверенной, что дверь не заперта изнутри.

— Так что когда я говорю, они как бы говорят вместе со мной. Подумай, больше ли весит один твой голос...

Сенатор протянул руку, стремясь схватить Мэделейн за локоть, промахнулся в первый раз, когда она отпрянула, но во второй все же стиснул ее запястье. Так он не мог задрать ее рукав, что собирался сделать. Но на самом деле это и не было ему нужно. Оба они прекрасно знали, что там: под серебристой тонкой тканью прячется татуировка. Люди давно перестали делать вечные тату, кроме особенных случаев. И вот такой, особенный, произошел однажды и с сенатором, и с Мэделейн.

В общем, оба они знали друг о друге слишком много. Он знал, что в юности она не всегда вела себя разумно и правильно. Она же знала, что он не гнушался попытка-

ми.

— Ладно, — Мэделейн не хотела скалить зубы, но губа сама невольно дернулась кверху. — Возьмусь за задание.

Сенатор даже не кивнул: он не сомневался, что она согласится. У нее не было выбора. Он только ждал, когда Мэдди поймет, что и времени терять она уже не может.

У Мэдди были и другие предложения. Менее хлебные, чем то, что предлагал сенатор, но и звучащие не так сомнительно. Однако Дедушка нуждался в ремонте. Больше того: она его уже сделала, и теперь требовалось закрыть кредит. Мэдди искала лазейки, позволяющие ей если не отказаться, то сбежать, но, вот незадача, ее ждали двое незнакомцев прямо у трапа корабля.

— Летаешь на этом старье?

Парень показал на Дедушку. Девушка рядом с ним протянула Мэдди руку старомодным земным приветствием.

— Я Джилл. Это Джек.

Мэдди сомневалась, что выделенных сенатором напарников так зовут. По крайней мере, не сказали, что они брат и сестра — не были они похожи ни на йоту. Мэдди жестом показала, чтобы

забирались внутрь Дедушки. Что греха таить, корабль действительно намотал по галактическим дорогам немало. Но Мэдди его любила и ни за что не променяла бы на новинку. Дедушка периодически требовал ремонта и апгрейда, постепенно в нем не должно было остаться ни единой изначальной детали. Мэдди это не волновало. Пока кораблик оставался на ходу, она не заморачивалась.

Мэдди поднялась в кабину управления, включила супер-ретро: «Paris 1919» Джона Кейла. Джилл с Джеком остались в жилом отсеке, раскладывая нехитрые пожитки: у каждого при себе было по тощему дипломату. «Неловко было отказаться теперь», — пыталась внушить себе Мэдди, но в душе понимала: опасно. Гости на корабле ей не нравились. Да и выглядели оба как-то нездорово. Особенно Джилл. Лицо бледное, дыхание неровное, точно ее постоянно мутит.

— По совокупности, полет на Ллеверию с двумя незнакомцами на борту тянет на желтый уровень опасности, — перемигиваясь огнями, сообщил динамик корабля.

— Да, мне тоже так кажется,

Дедушка, — сказала Мэдди, выставляя тумблеры в положения для дальнего полета. — Но это все ради тебя.

— Не стоило.

Мэдди вздохнула. Дед и при жизни так себя вел. То есть, она и сейчас считала его живым, да и впрямь, его мозг, вплавленный в микросхемы, придавал кораблю человеческие черты. Но если б не его бессребреничество, может, в своем теле, дарованном природой, он протянул бы дольше. Впрочем, на пребывание в симбиозе с кораблем дед не жаловался ни разу. Наверняка скучал по крепкой плядской бормотухе, но внучке не стал бы говорить.

Мэдди забила в навигатор координаты Ллевэрии и постаралась убедить себя, что не из-за чего слишком дергаться. Сенатор был мутной личностью, насколько она его знала, но не бандитом. Уже давно нет.

Ллевэрия представляла собой безжизненную планету на границе Соединенной Галактики. Естественной атмосферы на ней сроду не было, так что когда-то на нее отправили команду для создания искусственной. Мэдди и ее незванным напарникам предстояло

иметь дело с... Мэдди открыла файл с инструкциями от сенатора, чтобы подсмотреть: с Филлис Монтез, ученой из уже второй экспедиции, которая должна была навести на Ллевэрию последний лоск и сделать космическую клоаку мира пригодной для жизни.

— Выглядит неплохо, — сказала Мэдди, однако помедлила, прежде чем снять шлем.

Воздух на Ллевэрии оказался терпкий, холодный, точно морской, хотя, насколько хватало глаз, Мэдди видела только бескрайние зеленые поля. Вдалеке, на грани горизонта, чернела точка исследовательского центра. До него пролегла широкая дорога, огороженная с обеих сторон забором из старомодной сетки-рабицы. Вполне пригодный для багги путь.

Джилл, вызвавшаяся с Мэдди проехать до исследовательского центра, провела рукой по забору, щекоча ладонь о высокую траву, и зеленые стебли подались к ее коже, прилипая, точно осока. Джилл ойкнула и отпрянула. Мэдди показалось, что теперь-то ее точно стошнит, однако обошлось. Девушки загрузились в багги. Мэдди ехала медленно

и осторожно, как всегда на неизвестной планете: зрение, чувство тяжести и даже слух тебя подводят и будут подводить еще долго, пока ты не привыкнешь к новому месту высадки. На автомате организм судит по Земле и чаще всего ошибается. Гравитация может быть ненамного другой, и все же отличаться. Линия горизонта лжет. Звуки разносятся над поверхностью иначе. Ллеверия была похожа на Землю, какой ее можно увидеть во сне: на первый взгляд, все правильно, и в то же время безумно. Ностальгии у Мэдди то, что она видела, не будило.

Багги девушки покинули только у самых дверей научного комплекса. Мэдди окинула взглядом бетонную полусферу: чистая практичность, ни грамма красоты. Это сооружение строили без расчета, что его будут часто видеть снаружи. Джилл приложила к замку универсальный ключ, выданный сенатором, и девушки зашли внутрь. Мэдди ожидала, что температура в здании будет ниже. Но — нет, чуть выше двадцати градусов. Искусственная атмосфера играла в лето, и отдельно от других, вероятно, возвращались тропические растения — в оранжереях. Правда,

ни одного не было видно. Внутри центр оказался не красивей, чем снаружи.

Чего нельзя было сказать о Филлис Монтеc. Мэдди поймала себя на странной мысли, что отметила ее привлекательность раньше, чем вспомнила, зачем они вообще прибыли на Ллеверию. Ей потребовалось усилие, чтобы заговорить ровно таким холодным голосом, как она планировала, пока не увидела, что естествоиспытательница Монтеc — невысокая брюнетка плюс-минус ее возраста.

— Мы здесь по просьбе сенатора, *sinjorino* Монтеc.

— *Doktoro* Монтеc, если позволите.

Филлис вытирала руки тряпичной сплoшь в зеленых разводах. Появление гостей ее ничуть не удивило.

— И вам даже не надо уточнять. Воистину. Не трудитесь. Я уже все приготовила к вашему прибытию.

Джилл икнула. Мэдди покосилась на нее в полной уверенности, что вот теперь-то напарницу и стошнит. Однако все обошлось и на этот раз.

— Видите ли, у меня свои пути получения информации, — Филлис кивнула Мэдди. — *soldulo*

Мэделейн... или мне стоило сказать «Безумная Мэдди»? С кем только сенатор ни водился в свои лучшие годы. Впрочем, я сама познакомилась с ним немногим позже...

Филлис щелкнула пальцами, и за ее спиной зажегся экран размахом во всю стену.

— Senatano хочет забрать мои чертежи? Ну так пожалуйста... если что-то осталось.

Филлис указала пальцем себе за плечо. И сама осторожно обернулась, следя за тем, как крутятся цифры, зашкалившие за девяносто процентов, как заполняется белым синяя полоса отсчета.

— Кажется, я форматнула свой компьютер, — Филлис деланно поднесла ко рту ладонь. — И, кажется, нигде не сохранилось копий. У меня не было межпланетных выходов связи.

Мэдди выхватила бластер так быстро, что Филлис прикусила язык — вполне буквально — и скривилась.

— Не люблю наставлять пушку на того, к кому у меня ничего личного. Но, кажется, выходит, что последние знания о... чем бы ты тут ни занималась, остались... у тебя в голове.

Филлис нахмурилась. Джилл

втянула носом воздух — резко, как перед прыжком с трамплина.

— Doktoro Монтес, — сказала Мэдди, — придется проследовать с нами на корабль. Теперь Вы наш груз.

Филлис ничего не ответила, да и двинулась только едва-едва: снова щелкнула пальцами, и Мэдди поняла, что падает. Она пыталась сгруппироваться, но шершавый бетон встретил ее недружелюбно и резко. По крайней мере, она не выстрелила куда ни попадя, ни падая, ни шлепнувшись на пол. Весь воздух из груди Мэдди выбило ударом, так что она не сразу смогла откатиться в сторону, хоть и понимала: что вот-вот за нею может последовать Джилл.

Над головой высотой в полтора человеческого роста над нею, в полу — на котором Мэдди только что стояла — зияла дыра. То есть, с нынешней точки зрения, в потолке. Не слишком большая, аккуратная, квадратная. Мэдди прикинула, сможет ли она запрыгнуть назад? Вряд ли. Будь хоть рядом стена какая, чтобы оттолкнуться ногой, но нет: насколько видела Мэдди в скудном свете, падающем сверху, ее окружал только воздух. Довольно затх-

луй, надо сказать. Где-то совсем вдали смутно виднелись опорные колонны.

Там, наверху, Джилл и Филлис продолжали переговоры.

— Не надо угрожать мне, sinjorino, — сказала ученая в ответ непонятно на что. Возможно, какое-то движение Джилл.

Мэдди не помнила, чтобы у сенаторовой шестерки при себе было оружие, но что-то же она таскала с собой в плоском кейсе? Если выберусь отсюда, подумала Мэдди, начну мониторить все технические новинки... присталь- но и систематически. Она про- верила, нет ли у нее серьезных травм — по счастью, не обнаружи- ла ни одной. Синяки, не больше. Могло быть хуже.

— Я считаю до трех. Возвращай- ся на свой корабль и скажи сена- тору, что наш контракт разорван. Он первым его нарушил. Он не смеет требовать от меня вернуть- ся... или вернуть хоть что-то из моих разработок. Что до твоей подельницы, то... эй! А ну немед- ленно...

Наверху происходила какая-то неясная возня. Мэдди ждала, что сейчас откроется второй люк, и рядом с нею шлепнется Джилл, но вместо нее вниз юркнула Фил-

лис. Створки люка над ее головой стремительно захлопнулись, едва не прищемив волосы. Ученая приземлилась не более удачно, чем Мэдди, ахнула, складываясь пополам, но стоило Мэдди при- близиться к ней, вскочила с оче- видным намерением защищать- ся. Мэдди не видела в темноте, но сделала выводы по тому, как острый локоть Филлис двинул ее по ребрам. Дважды — как только ученая поняла, где противница.

— Только тронь меня, бандитка, и я...

Над головами девушек раздался взрыв такой силы, что все вокруг вздрогнуло, как от землетрясе- ния. Мэдди однажды была на Этисе, где так трясло каждые полчаса, если не чаще. Совершен- но невозможная планета. Но судя по тому, что вниз начал прони- кать свет, створки лаза погнулись. Это не было землетрясением, но что же... нечто капнуло Мэдди на плечо. Но она не могла взглянуть, что именно, не отпустив ученую. А Филлис билась, как в последний раз.

— Пусти меня, ты, медведица!

— Тихо, я просто не хочу полу- чить от тебя по зубам. — Острые плечи Филлис дергались в опас- ной близости от челюсти Мэдди.

Так или иначе, но все-таки это было желательней, чем удар даже таким кулачком, какой ученая могла сложить из своей узенькой ладони. — Скажи, что успокоилась, и я тебя отпущу. Никто никого не лупит, ладно?

— Твоя взяла, — буркнула Филлис, расслабляясь в захвате.

На мгновение Мэдди испытала соблазн не торопиться, но все-таки со всей честностью распахнула объятия, как только ученая перестала выворачиваться. Филлис отряхнула пиджачок, хотя он в этом не нуждался, и повернулась к Мэдди через плечо.

— Боюсь, там половину этажа разворотило.

— Что случилось-то?

Еще одна капля спланировала Мэдди на рукав, и та задрала локоть, чтобы взглянуть. Что-то густое, красное, похожее на кровь или сок кроммиквилы. Но, учитывая, что кроммиквила произрастает только на Этисе и не способна существовать в богатой кислородом атмосфере, Мэдди поставила бы на первое.

— Ты была не в курсе, да?

Мэдди тупо смотрела на ученую.

— Не то что б я хорошо знала эту Джилл.

— Я могла бы не поверить, — Филлис пожевала губу. — Но поверю. Когда я говорила, что получила информацию, это значит, что и о том, как вы с *senatano* расстались, тоже узнала. Мало у тебя причин с ним дружить.

— Деньги, в основном.

— Понимаю. Ну так я дама небедная. Если я пообещаю тебе таксу побольше, как насчет наняться ко мне в *domservistino*?

Мэдди против воли расплылась в улыбке. Другого ответа не требовалось, по крайней мере, пока они, приноровившись к скудному освещению, могли видеть друг друга.

— Что ж, у тебя примерно ноль оснований мне доверять.

— Верно и обратное, — выдохнула Филлис.

— Но особого выхода у нас нет. В противном случае помрем мы обе.

Филлис прекрасно понимала, что Мэдди просто хочет выбраться из подвала, и без помощи ученой ей этого не сделать. Досаднее всего было то, что и Филлис, скорее всего, не удалось бы прорваться без Мэдди. Ей был нужен кто-то с бластером. И практикой обращения с ним.

— Я про эту Джилл вообще ни-

чего не нашла. Только про тебя. Так что я догадывалась, что это очередная человеко-бомба сенатора. Когда она начала глотать из синего пузырька, окончательно уверилась.

Мэдди слышала о таком, но полагала, что это слухи, не более. Но сенатор мог надавить на какие-то свои рычажки, подергать за одному ему известные струны и... или просто действовать по старинке. Как преступник. Люди-бомбы были смертниками, которые не могли даже продать свои органы на донорство. Но их семьям полагалась нереальная компенсация, так что кое-кто мог подумать, что дело того стоит. Неизлечимо больные, например. Или приговоренные к казни.

Приговоренные к казни на своих планетах, следовало сделать оговорку.

— Дедуля, — простонала Мэдди, вспомнив. Со злости она ударила по стене ладонью. По крайней мере, она не настолько взбесилась, чтобы самозабвенно лупить что-то кулаком. И потом, Дедушку действительно надо было спасти. И лучше бы без вывихнутых пальцев и содранных на костяшках перчаток костюма.

Мэдди вкратце объяснила Фил-

лис, что такое, а точнее, кто такой Дедушка. Она поняла, но чем дальше слушала, в тем большее уныние приходила.

— То есть, на твой корабль мне хода нет, там шестерка сенатора. Взрывоопасная шестерка.

— Я думаю, он не сделает без причин ничего плохого.

— Ну так давай не дадим ему повода.

Когда они начали этот разговор, Филлис щелкнула пальцами и зашагала по освещенной скудным светом редких крохотных лампочек дорожке. Мэдди последовала за нею, держа бластер на изготовку — просто на всякий случай.

— Но для начала нужно спасти Пушистика. То есть, образец А-0001, я хотела сказать.

Звучит как ого-го какой повод, настоительно подумала Мэдди.

— Это не мой питомец, как ты могла бы подумать. То есть, отчасти да... Но в первую голову, это последнее хранилище редких растительных соединений с Земли.

Подвал сузился до коридора — пустого, если не считать лампочек под потолком, размером чуть больше елочной гирлянды. Да бредущих по нему девушек. Ничего вокруг не было интересного, так что Мэдди с удовольствием

выслушала рассказ спутницы о Пушистике. Тот и был яблоком раздора между нею и сенатором. Точнее, растением раздора.

Сто лет назад, когда человечество начало биоформировать другие планеты, делая их пригодными для жизни людей, кто-то предложил уничтожить все «вредные» земные виды, вроде комаров, гиен и растений типа «венерина мухоловка». Поразительно, но большинство чиновничьих шишек проголосовало за... Мэдди подумала, что может это понять, на разных планетах ей досаждали разные мелочи, и в сердцах она часто желала им исчезнуть. Филлис же была в ужасе, даже несмотря на то, что в пору принятия закона даже еще не родилась.

— Эти люди... они наигрались с Землей и бросили ее, переключившись на новое, более интересное: луны, другие планеты, астероиды. Уф, я даже не могу говорить без отвращения.

Мэдди похлопала Филлис по плечу. Она задумывала этот жест как саркастический, но ученая вздохнула с такой досадой, что Мэдди стало совестно.

— Пушистик должен был стать венериной мухоловкой. Я собира-

лась вырастить здесь, на Ллевери, то, что земляне отказались принимать как часть своей истории, своей природы.

— Хочешь затащить его на мой корабль?

Филлис не сразу нашла в себе силы признаться. Сенатор продал ей порченный товар, и ученые, с которыми она работала, поначалу пытались это игнорировать. Но потом они под теми или иными предложениями стали покидать Ллеверию, пока Филлис не осталась в исследовательском центре одна. И когда она поняла, что то, что она принимала за случайные мутации, на деле, новый и не самый приятный вид, выросший из недостаточно чистого образца, было уже поздно.

— Я потакала ему, не могу отрицать... Всячески холила и подкармливала лучшими удобрениями.

— О блин. Оно гигантское, да? Филлис виновато замычала.

— Я просто хочу спасти первый свой образец. Я... никогда не позволяла ему дать потомство.

— Он ядовит или что?

— Хуже. Видела траву? За забором она еще вполне сносна. Но цветки... бр-р-р, это не то, что хочешь иметь на клумбе перед

домом, поверь мне. Даже самый мелкий проведет тебе ампутацию ноги в считанные секунды, а срез будет чистейший.

— Не то что б это утешало в такой перспективе. Биоинженерия растений ушла куда дальше биоинженерии людей.

— Кому ты рассказываешь, — Филлис хмыкнула. — Чертовы религиозники...

— Нужно было предлагать им пришивать по шесть рук, как у их богов. Думаю, это смягчило бы хотя бы некоторых из них.

— И где же ты, такая умная, была сто лет назад на голосовании Первого Съезда Лунной Академии Наук?

— Спроси у того, кто зарезал создание машины времени.

Мэдди осеклась. Обе девушки невольно вспомнили Джилл, а вместе с тем и вторую человеко-бомбу. При создании такой ходячей взрывчатки не приходилось вмешиваться в днк — какая ирония! Только принимать препараты, напичкивая свою кровь и внутренние органы не пойми чем.

— Я не хочу стать очередным создателем оружия массового поражения. И даже не массового. А ты думала, я из-за сенатора

уничтожила все записи? Хотя да, во многом и из-за него. Если он узнает, что у меня в итоге выросло, он... у меня нет уверенности, что он использует это в гуманных целях.

— А у меня есть. Есть уверенность, что не использует ни для чего хорошего.

— Ты его близко знаешь.

— Ближе, чем хотелось бы. — Мэдди бросила беспутную жизнь раньше, чем сенатор. Совесть не позволила: не могла смотреть деду в глаза, пока он был жив. А потом поняла, что не может и после.

— Я тоже. Институту требовалось финансирование, и сенатор вложил, чтобы получить в распоряжение все, что я могу ему дать. Вот только я, как дурочка из старой сказки, пообещала ему, не зная в точности, чем именно придется расплатиться.

Филлис выругалась. Мэдди и не думала, что эта рафинированная с виду ученая может знать такие слова.

— Но в голове-то у тебя остались знания.

— Это будет уже не то. Есть разница между оригинальным, пусть и дефектным, видом и восстановленным искусственно.

— Ну, по факту, конечно, есть. Не буду спорить. Но, смотри, оригинал Моны Лизы сейчас где? И я не знаю. А цифровые копии ты можешь скачать в сети. Хотя весь компьютер ими заполони. И что? Это делает улыбку Моны Лизы менее загадочной? Искусство есть искусство, и никакой носитель его не умаляет и не... как бы это сказать?

— Профанирует. — Филлис вздохнула. — Я не уверена.

Девушки наконец покинули коридор. Филлис снова щелкнула пальцами — на сей раз ей потребовалось сделать это несколько раз кряду, прежде чем система догадалась открыть ворота и протянуть лестницу на этаж выше. Взбираясь по ней, обе девушки нервничали, чувствуя, насколько непрочны ступени под их ногами. Взрыв имени Джилл повредил систему, и теперь какая-то ее часть работала с перебоями.

Оранжерея пострадала больше, чем хотелось бы. Какие-то лампы взорвались, электрическое поле забора покосилось. Трава колыхалась, как море. Мэдди бросила взгляд, когда они проходили мимо: мясистые стебли напоминали ей пальцы или щупальца, жадно ищущие вслепую.

— Ближко не подходи. Все они связаны с первым образцом.

И теснее, чем ты думаешь.

— То есть, они гурманы-мясоеды? Каждый цветочек? Ясно-понятно.

Миновав оранжерею, девушки вышли в залу под куполом. Под ногами что-то хрустнуло, и Мэдди сперва подивилась, как это разрушения от Джилл докатились аж досюда. Потом вспомнила, что пострадали какие-то части системы — и кто знает, до каких капилляров дошли повреждения. Слишком многое стало теперь состоять из «лазеров», «полей» и прочих штук, прочных, только пока кто-то не отжал нужную кнопку.

А потом Мэдди посмотрела себе под ноги.

Кости, как романтично.

Она подумала о том, как завораживало ее дядю все мертвое. Ее отдали тому на воспитание, надеясь, что он заменит ей отца. Некому стало делать это после смерти деда. Но нет, дядя только рассказывал ей о костях.

Ее саму все это оставляло равнодушной.

— Не все ученые улетели с Ллевери, так?

— Ну... да. Некоторым сильно не

нравился Пушистик. Так что он... просто дал отпор.

Мэдди поняла, что Филлис имела в виду, говоря, что «не позволила дать потомство»: то, что издалека можно было принять за ширму, вблизи оказалось матовым толстостенным цилиндром из чего-то... довольно прочного. Мэдди постучала пальцем по поверхности: на ощупь стекло, но по звуку металл. Наверняка очередная полулегальная подачка от сенатора.

Филлис провела пальцами по кодовому замку.

— Что, если дверь не откроется?

Никто не хотел думать, что осталось от кабинета, в котором Джилл распылило на атомы.

— Ну, всегда можно справиться... в старом землянском стиле. — Мэдди поддела ногой что-то, подозрительно похожее на берцовую кость. — Вполне сойдется для рычага.

Филлис ввела код, и замок щелкнул. Но ученая не торопилась проверять, открылась дверь или нет. Она прислонилась лбом к прохладной поверхности цилиндра и вздохнула.

— Я заплачу, сколько ты хочешь. Но мы должны доставить его на корабль. Пушис... образец А-0001

связан со всей экосистемой планеты. Я не давала ему распылять споры, но через грибницу Пушистик связан со всеми остальными...

Мэдди схватилась за голову.

— То есть, это венерина мухоловка, кусающаяся как животное, а еще и гриб! Рехнуться можно.

«Этому не место на моем корабле,» — читалось в ее взгляде.

— Я не могу его тут бросить! Пусть извращенное, но это наследие Земли.

— Да, типа как инквизиция. И чума. И Гиммлер. Или Гитлер, я не сильна в истории, не помню, кто из них был хуже.

Филлис вздохнула.

— Ты даешь мне советы, а сама не можешь похоронить деда сколько? Десять, двадцать лет?

— Он не жрет людей.

Филлис взялась за створку двери, приоткрывая ее ровно настолько, чтобы одной проскользнуть внутрь.

— Кстати, об этом. Пушистик не очень любит чужих... То бишь, всех кроме меня. Найди пока, чем себя занять.

И с этими словами Филлис исчезла внутри зала Пушистика, оставляя Мэдди одну в коридоре.

— Легко, *sinjorino* Монтес.

Мэдди закрыла глаза, решая. И решаясь. Она хотела бы придумать что-то иное, но у нее не было времени пораскинуть мозгами. Она видела только один способ покинуть Ллеверию живой... и, может, с деньгами. Мэдди нащупала кнопку рации, встроенной в воротник, нажала — пришлось дважды стиснуть ее меж пальцев, видимо, падение повредило что-то в микросхемах.

— Джек, Монтеc у меня. Подстрахуй, пока я доставляю ее на корабль.

— Когда Джилл сдетонировала, я думал, вы там все втроем прижмурились.

Мэдди вздохнула, не зная, что ей отвечать на это. Но все-таки нажала на кнопку рации в воротнике, подтягивая тот ко рту поближе.

— Дуй уже сюда. Эта заучка пряткая, ты бы знал, как она мне локтем двинула, точно тараном.

Она знала, что Джек о ней думает: землянка, ну и быдло. Ничего доверить нельзя. Но ей было плевать.

— Смотри, к траве не приближайся по пути. Никакой траве! Ясно тебе?

Джек нашел Мэдди по навига-

тору, который та великодушно включила, позволив ему пробить ее местонахождение.

— Ну и?! Где она? — Джек вошел с наручниками на изготовку и теперь озадаченно опустил руки. Он думал, что обнаружит Мэдди таскающей за волосы ученую, однако наемница в одиночку торчала посреди пустого, если не считать какого-то плафона посередине, зала.

— Прощается со своим уродливым питомцем, — Мэдди указала на дверь, приоткрытую настолько, что едва ли можно было просунуть лист бумаги. — Иди возьми ее, а я подстрахую тебя с наручниками.

— Ты же просила меня подстраховать!

Мэдди закатила глаза.

— Чувак, просто не будь гадом. Там такой запах, что у меня глаза слезятся. Я просто не буду этого делать. А шлем в багги остался.

Джек ткнул Мэдди наручниками в грудь, надеясь, что попал по месту какого-нибудь синяка, без которого приключение с Джилл не наверняка не оставило. Сплюнул на пол.

— Землянка, что б ее. Такие вы рафинированные, у тебя под скафандром, может, кисейные

перчатки?

— Да, чувак, прям на голое тело. Дуй уже внутрь, пока Монтес ничего не заподозрила.

Они обменялись недружелюбными взглядами. Если б не сенатор, такие люди в жизни не стали бы сотрудничать. Джек рванул на себя дверь и зашел в плафон. Мэдди успела увидеть Пушистика — что ж, свое имя он заслужил. Огромная, в три раза выше человеческого роста, живая масса шевелилась, точно лавкрафтовское чудовище. Тут и там виднелось то, чему Мэдди не знала названия, но все какое-то осклизлое, трепещущее, дышащее в некоем своем ритме. Грязно-зеленые упругие ветви-жгуты мгновенно рванулись к Джеку.

Н-да, венерина мухоловка была очень дальней родственницей этого, подумала Мэдди. Уж в чем-чем, а в таком наследии Земля точно не нуждалась, как по ней. Филлис, впрочем, считала иначе: ее лицо горело, когда она подскочила к Мэдди, захлопнувшей и подперевшей спиной дверь.

— Что вообще за уловка такая: «воняет»? С чего ты решила, что сработает?!

— Я не была уверена! Но сработала же!

Тем более что насчет запаха Мэдди не врала. Несло от Пушистика, как из гальяона на рейсовом корабле.

Тонкие пальчики Филлис набрали комбинацию на кодовом замке, но по ее лицу Мэдди прочла, что что-то не так. То ли лампочка не загорелась, то ли что-то не щелкнуло, но дверь явно осталась не заперта. Система рухнула не вся сразу, по ней еще пробегали какие-то импульсы, и вот неполадки дошли до оранжерейной залы.

Из-за толстой стены плафона раздалось глухое ругательство, Джек пытался спастись от Пушистика. Очевидно, грибной монстр был все же не слишком проворен.

Действуя почти по наитию, Мэдди подперла дверь тем, что считала берцовой костью (и, скорее всего, не ошибалась на этот счет). Джек не должен был покинуть плафон. План еще мог пойти прахом и убить обеих девушек, но при прочих равных существовал совсем отвратительный в своей бессмысленности вариант.

— Теперь-то что?! — Заорала Филлис, паникуя от мысли, что Джек может решить, что самое время подорвать себя. Вряд ли он стал бы медлить, явно желая

унести с собой виновниц своей мучительной гибели. Даже в роли ходячей бомбы он мог надеяться еще некоторое время покоптить небо.

— На любое свободное пространство, быстро! Дедушка подбирает нас. Найдет по трекеру!

— На крышу! — Выдохнула Филлис. Дыхания у нее уже не хватало.

Лифты не работали, и девушкам пришлось нестись по лестницам. На последнем пролете Мэдди обхватила обессилевшую от напряжения Филлис за плечи. И тут над ними, рассылая по округе упругую волну гиперпространственного захвата, завис Дедуля.

— Добро пожаловать на борт, *sinjorino*. — Прозвучал голос корабля, странно человеческий и одновременно механический разом. Еще более странно звучала попытка этого голоса изобразить шепот. — Она мне нравится. Хороший выбор, Мэделейн.

— Дед!

Они во все лопатки удалялись от Ллевэрии. Гравитация отключилась всего на несколько секунд: мигнула, и корабль перестроился на свою, искусственную. Мэдди задала координаты ближайшего космопорта, одновременно до-

статочно удаленного от того, где она получала указания от сенатора. Когда она вернулась в каюту, служившую своего рода жилой комнатой, Филлис смотрела в иллюминатор. Взрыв оставил на поверхности Ллевэрии небольшой кратер.

— Фига се. Это Джек был настолько полон взрывчатки или...

— Нет. Это разрушение произошло по грибнице. У Пушистика были свои... особенности, которые я надеялась сохранить.

Филлис вздрогнула, как будто взрыв отдался в ее теле, обхватила себя руками.

— Оставить тебя? Хочешь погоревать в одиночестве?

— Я вообще не хочу горевать.

Филлис пересекла каюту, выглядывая в другой иллюминатор. Ее глазам предстала россыпь звезд. Как редко я стала их видеть, подумала она: ни из космоса, ни с земли. Она почти не выходила из исследовательского центра, увлеченная своими проектами. Филлис не сразу осознала, что на ее плече лежит ладонь сочувствующей Мэдди. Исследовательница вздохнула:

— И что делать теперь?

— Ну, например... ужинать?

Пушистик тоже остался с ними

на корабле — в качестве пятнышка размером с отпечаток большого пальца, зажатый меж двух стеклышек. Такой вариант равно устроил и Филлис, и Мэдди.

— О, как вкусно! Почему так вкусно?

— Из-за специальных добавок.

— Мэдди прищурилась. — Эта еда лжет тебе, сама знаешь.

Филлис пожалала плечами. Она могла смириться с красивой ложью, если б у нее был вкус гамбургера. Пушистик бы тоже оценил.

— В твоей голове все еще полный набор сведений о твоих исследованиях, так? — Мэдди села напротив Филлис, попыталась говорить хоть чуть более вкрадчиво. — Ты знаешь, что делать с этим?

— Да. — Филлис отщипнула от булки из восстановленного концентрата хлеба. — Но я не собираюсь это продавать кому бы то ни было. Я собираюсь безвозмездно пожертвовать.

Она назвала какой-то институт, но Мэдди название ничего не сказало. Тем не менее она доверяла суждению Филлис.

А та, в свою очередь, признала правоту Мэделейн.

В каюте у Мэдди во всю стену была репродукция Моны Лизы. И Филлис поняла, о чем они говорили в полных бетонной пыли коридорах научного центра.

— У меня раньше девушек не было. Да и никого не было. Ллевения довольно одинокая планета. А у тебя?

— Извини уж, — сказала Мэдди с легкой иронией. — Я тебя не дождалась.

Филлис расстегнула змейку на ее скафандре, как в старых фильмах расстегивали бальные платья дам.

Сенатор открыл ключом кабинет и сморщился при виде развалившейся на диванчике Мэдди. Стол уже был уставлен приготовленным для него угощением, и незваная гостя уплетала равиоли с кроммиквиллой.

— О, я просто начала, не дождавшись Вас, *senatano*. — Она утерла губы тыльной стороной руки. — Дальние полеты так будят аппетит, просто ужас какой-то.

За спиной сенатора мелькнуло скуластое молодое лицо. «Наемник типа меня», — догадалась Мэдди. Только моложе лет на восемь, не меньше. Еще не пооб-

тесался на своем поприще, такому и кто-то попроще сенатора мог впарить самую неблагодарную работенку.

Сенатор шикнул на парнишку через плечо: «Исчезни»! Он сел напротив Мэдди. На сей раз она успела заметить, что тот и впрямь запер дверь изнутри.

— Что бы ты ни сказала, я уже знаю, что ты меня не порадуешь.

Мэдди отставила тарелку в стору и положила локти на стол.

— Я сама не в восторге от того, что вышло. Твой дружок Джек сдетонировал, разрушив половину Ллевэрии. И уж точно уничтожив все труды Монтес.

Сенатор вздохнул.

— Сама она где?

— Я не знаю, выжила она или нет. Вам стоит надеяться, что нет. И Патруль, и Альянс равно заинтересованы в том, чтобы расследовать произошедшее на Ллевэрии. Очень большой удар по экологии, ай-яй-яй, все страшно осуждают.

— Они ничего не докажут. Если думаешь, что получишь деньги за молчание, даже близко не выполнив работу, то...

— Скорее всего. Ничего никто не докажет. Но пока будет длиться процесс... — Мэдди выдула лимо-

над из стакана до конца, закончив раздражающим хлюпаньем. И показала на стакан. — Вот так же будет и с Вашим рейтингом. Или Вы не планируете переизбраться?

Они сошлись на том, что никто никому ничего не должен. И они просто все забудут. Не было никакого контракта. Никакого полета на Ллевэрию. Джек и Джилл? Никто даже не знает таких. Просто два давних приятеля пару раз вместе перекусили в трактире «Вечный вопрос». И только.

— Где твой старикан, Мэдди?

— Отдала в починку. Летали на Этис, он плохо перенес. Я подумала, что на него должен взглянуть кто-нибудь новый, незамысленным взглядом.

— Да ладно, небось продала его наконец на запчасти. — Сенатор недоверчиво хмыкнул. — Ладно, а замуж ты где успела выско-чить?

Мэдди сложила руки на груди, пряча брачный браслет.

— Ну, знаешь. Что происходит на Этисе, остается на Этисе.

Да уж, что ни говори, Мэделейн считала себя счастливицей.

Иллюстраторы, путеводитель:

Обложка:

[Алиса Веспер](#)

Дакини:

[Крис Шрайфер](#) стр. [16](#), [24](#)

Краш из города ветров:

[Enlil A.](#) стр. [34](#), [46](#)

Следующий месяц после
августа:

[draw eat read](#) стр. [60](#), [68](#)

Наследница Земли:

[Рома Еременко](#) стр. [78](#), [83](#)

